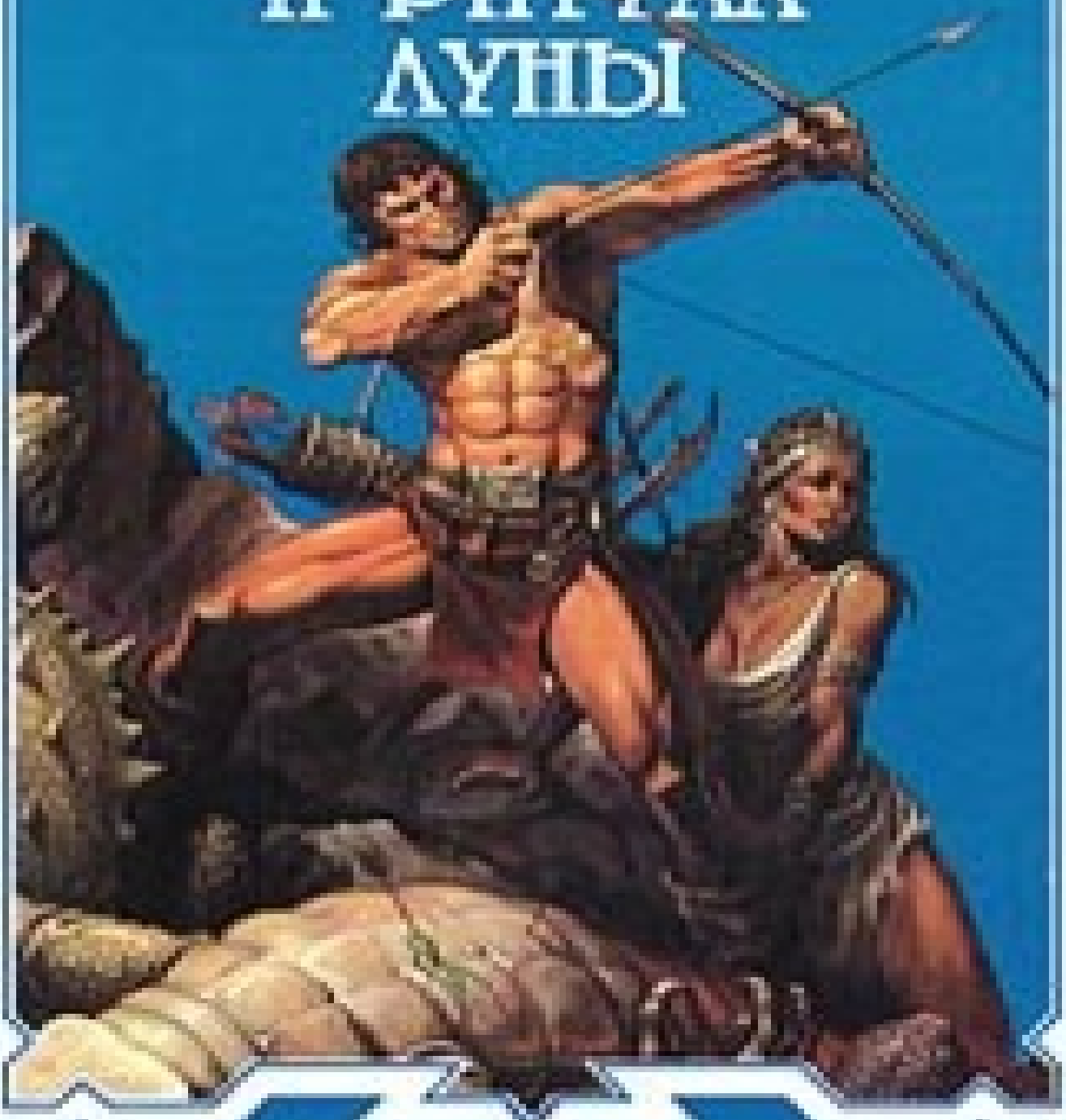
КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ



Annotation

В книгу входят рассказы и повесть Ника Харриса:
* Исчезающий замок
* Ритуал Луны
* Последний из племени Вармина

- Ник Харрис
  - Исчезающий замок
- Ник Харрис
  - Ритуал Луны
- Ник Харрис
  - Последний из племени Вармина

Ник Харрис

Исчезающий замок

Хозяин самой богатой оружейной лавки Шадизара Акмар не мог похвастаться обилием покупателей. Дорогое, изукрашенное золотом и драгоценными камнями оружие покупали только богачи. Простые воины предпочитали товар попроще. Их мозолистые руки привыкли к простым рукояткам внешне скромных, но надежных в бою мечей. Солдаты обращали внимание только на прочность клинка. Кроме того, им всегда не хватало денег.

Возможно, если бы властители увеличили денежное довольствие солдат, товары в богатой лавке раскупались быстрее. Но властители всегда были скуповаты, а солдаты слишком любили опрокинуть лишнюю кружку вина, и поэтому в самой богатой оружейной лавке было немноголюдно. Иногда сюда заходили купцы — выбирать оружие для подношения, подарка покровителю.

Иногда кто-то из среды избалованной знати решал сменить свой роскошно отделанный клинок на еще более роскошный и изысканный, чтобы похваляться перед друзьями — такими же богатыми бездельниками.

Мастера-оружейники Шадизара, учитывая то обстоятельство, что большинство этих сабель и мечей никогда не побывает в настоящем бою, не слишком заботились о качестве стали, их больше тревожила золотая чеканка, да драгоценные камни, искусно впечатанные в рукоять и ножны этого почти бутафорского оружия.

Но были мастера, которые изготавливали необычные клинки из витой, узорной стали. Такое оружие не тупилось и не ломалось в бою. Оно обладало удивительной гибкостью, не свойственной простой стали, и прочностью, далеко превосходившей все, что делалось в мастерских славного Шадизара. Но никто не мог сказать, где живут эти удивительные мастера, изготавливающие узорную сталь. Лишь иногда, в лавке появлялся таинственный карлик, закутанный в плащ, и предлагал несколько новых клинков невиданной красоты и прочности.

Толстый Акмар, сверкая острыми, как бритвы, глазками не раз пытался завязать разговор с диковинным мастером или его подручным — с тем, кто приносил товар, но посетитель был либо глух, либо не понимал современного языка. Он молча раскладывал клинки, показывал на пальцах цену и, получив, сколько запрашивал, так же молча уходил. Торговаться с ним не имело смысла. Однажды: Акмар попытался сбить цену. Странный продавец собрал мечи и ушел, а хозяин несколько месяцев горевал об упущенной выгоде, ибо продавались эти чудо-клинки за такие деньги, за которые можно было купить караван верблюдов со всеми товарами.

Не знал Акмар, кто и где делает это оружие, хотя не раз и не два пускал по следу таинственного продавца своих охранников. Но то ли охранники были не слишком ловки в деле выслеживания, то ли незнакомец умел заметать следы, только каждый раз Акмару докладывали, что продавец внезапно затерялся в узких улочках, на окраине Шадизара.

Но однажды в лавку зашел другой, не менее странный человек. Тонкая, гибкая фигура его была также закутана в черный плащ. Темное, подвижное лицо и острый нос делали его похожим на хорька, а черные, как. уголья, глаза блестели таким внутренним: жаром, что Акмар, немало повидавший на своем веку и воинов, и правителей, поневоле содрогнулся.

Не хотелось бы испытать на себе гнев этого человека, подумал он, согнувшись в самом раболепном поклоне, на который только была способна его массивная туша.

Незнакомец молча, как бы в раздумье постоял у прилавка. Окинул взором ряд изящно изогнутых сабель с огромными рубинами на эфесах, равнодушно отвернулся от изукрашенных затейливой: золотой и серебряной чеканкой мечей, скользнул, взглядом по кинжалам необычайно тонкой работы и, наконец, вперил свой горящий взор в хозяина.

— Мне нужно самое лучшее из того, что у тебя есть, — сказал он вполголоса. — Все самое лучшее…

Акмар с поклоном указал гостю на незаметную маленькую дверь, о которой каждый подумал бы, что ведет она, может быть, в кладовку, где лежат никому не нужные, старые вещи. И только потайной засов, который Акмар быстро и незаметно открыл, говорил о том, что потайное помещение, в которое вошел гость — и есть самая главная сокровищница толстого хозяина. Именно тут и хранил он те узорчатые клинки, которые приносил ему странный карлик.

Незнакомец быстрым, странно пританцовывающим шагом подошел к столу, на котором сверкали отделкой великолепные клинки.

Любовно поглаживая узорчатую голубоватую сталь, он что-то бормотал на непонятном языке. Взял один клинок, взвесил в руке, взял другой. Проверил балансировку и, судя по всему, остался доволен.

— Господин, — решился прочистить горло Акмар, — осмелюсь сказать, что это очень дорогое оружие. Делают его неизвестные мастера, по слухам, живущие где-то в недрах гор…

— Я знаю, — перебил гость, — знаю… А цена меня не волнует…

Он выбрал, наконец, одну из сабель, задумчиво взвешивая ее в руке, глянул на хозяина лавки, затем сделал несколько пробных движений и вдруг окутался вихрем, сотканным из сверкающий стали. Казалось, сабля без всяких усилий со стороны человека, летает вокруг, отгораживая его от внешнего мира тонким сверкающим пологом. Акмар ошеломленно смотрел на дивного фехтовальщика и даже не заметил, как тот сделал скользящий шаг в его сторону. Миг — и тело Акмара оказалось рассеченным в нескольких местах. Опустив саблю, незнакомец с усмешкой смотрел, как хозяин лавки, сохраняя на лице удивленное выражение, разваливается на куски, словно разбитая статуя. Вначале медленно, открывая белое мясо с обильным слоем подкожного жира, съехала вниз правая половина тела. Голова, отделенная от плеч тонкой, почти незаметной линией, провалилась к поясу, одновременно с тем, как левая половина тела несчастного Акмара, стала медленно отклоняться в сторону. И только тогда белое мясо человека, бывшего хозяином лавки, стало обильно кровоточить.

Не глядя на останки несчастного Акмара, образовавшие на полу кровавую массу, гость неспешно собрал все клинки, насчитав их ровно двенадцать вместе с тем, что уже висел у него на шее. Сложив сабли в мешок, перевязав его и повесив за спину, похожий на хорька человек вышел из комнаты, закрыл потайной засов — гордость Акмара — и спокойно покинул самую дорогую оружейную лавку Шадизара.

* * *

— Ты принес его, Ишанатан? — Старик тяжело поднял голову и пронзительно посмотрел на склонившегося перед троном, не смеющего поднять глаза, слугу.

— Пока нет, Повелитель, но я принес двенадцать сабель, изготовленных…

— Ты осмелился явиться с пустыми руками — гневно перебил старик. — У меня еще

хватит силы покарать тебя за ослушание!

Страшной, нечеловеческой злобой загорелся взгляд сидящего на троне старца. Вперив его в слугу, он наблюдал, как корчится в муках гибкое тело человека, как сотрясают его судороги, как мучительно хрипит и кровоточит перекошенный болью рот.

— Смилуйся, Повелитель… смилуйся…

Но старик и без того уже устало откинулся на резную спинку черного трона. Белая, как снег, борода его бессильно легла на грудь. Казалось, он заснул.

С трудом поднявшись, Ишанатан, торопливо произнес:

— Не гневайся Повелитель. Я вооружу этими саблями лучших из тех, что ты создал, и тогда для нас не будет преград! Клянусь, мы добудем его в самое ближайшее время!

— Поспеши, — прошелестел старик, — поспеши, я слишком быстро старею без него. Моя сила иссякает… Но не думай, — он поднял руку, и из-под ногтей его костлявых пальцев потянулись густые клубы дыма, — не думай, что если я погибну, ты станешь во главе моего царства! Оно исчезнет, разрушится со смертью его создателя. Я тебе уже говорил об этом…

— Я все помню, Повелитель. Я достану его, и ты вновь помолодеешь, а твое славное царство будет процветать вечно!

— Иди же, не медли…

Ишанатан, согнувшись в низком поклоне, попятился к выходу. Затем, убедившись, что страшный старик больше на него не смотрит, повернулся спиной и быстро вышел из пещеры.

Перед ним змеился круглый тоннель с переливающимися перламутром стенами. Тысячи, десятки тысяч таких тоннелей щупальцами огромного спрута пронизывали Карпашские горы, охватывая огромную территорию, образуя обширное подземное царство.

Бесчисленные рабы трудились в копях, уходивших ярус за ярусом в недра земли, и выискивая алмазы, столь необходимые Повелителю для создания армии зоргов — искусственных людей, главным из которых был он, Ишанатан — самый быстрый и самый умный из всех, кого создало волшебство правителя подземной страны.

Бесчисленные ходы, огромные пещеры, ужасные подземные храмы, где полудикие люди приносили человеческие жертвы, скопища забитых рабов и армия зоргов — над всем этим, как паук в центре паутины, восседал Повелитель — страшный старик с белой бородой и глазами, в которые не осмеливался взглянуть никто из его подданных.

Ишанатан знал, почему его взгляд был так страшен. Не только потому, что при малейшем неповиновении загорался злобой. Не только потому, что взглядом он мог причинять неимоверные страдания. А потому… прежде всего, потому — Ишанатан однажды все же осмелился взглянуть в страшные глаза Повелителя — потому, что… зрачки у него были… не круглые! Узкая, вертикальная щель — вот какие зрачки были у Повелителя.

И после того, одного взгляда в эти страшные глаза, Ишанатан болел несколько дней. Нечеловеческие глаза бессмертного существа… Но бессмертного в том случае, если раз в двести лет он выпьет эликсир. В том случае, если… если он, Ишанатан, его верный слуга, его лучшее творение, опять, в который раз за бесчисленные столетия достанет это зелье…

Верно ли, размышлял закутанный в черное слуга, шагая по тоннелю, что со смертью Повелителя будет разрушено подземное царство? Если так, то, конечно, эликсир достать необходимо… А может… И живое воображение Ишанатана высветило его, сидящего на черном троне, отдающего приказы рабам, дикарям, армии зоргов, странным и страшным тварям, созданным когда-то повелителем…

Быстро передвигаясь по одному из тоннелей, он что-то тихо бормотал, иногда

посмеивался, иногда радостно вскрикивал.

Ход привел его в одну из рабочих пещер, освещенную факелами. Тут работали люди. Им необходим свет — несчастные создания, не имеющие ночного зрения!

Но почему, почему Повелитель поручает работу по созданию и выращиванию — людям?! Неужели зорги не смогли бы создавать зоргов? Работа, конечно, кропотливая, но ведь искусственные создания обладают не только быстротой, но и терпением тоже! Почему? Повелитель не доверяет им, зоргам! Он не доверяет даже мне, лучшему из них! Он считает, что если мы овладеем искусством выращивания воинов, мы сможем обойтись и без него, стареющего тирана, мучающего своих верных слуг. И это недоверие доказывает, что с его смертью ничто не рухнет… Скорее всего, не рухнет…

Вдоль стены длинными рядами стояли каменные саркофаги. Вокруг каждого из них суетились люди. Пещера пропахла отвратительными запахами. Смрад волшебных порошков, незнакомых кореньев и чего-то еще, знакомого…

Мгновение спустя Ишанатан сообразил — это запах гниющей плоти. Опять несколько зоргов не доведены до пробуждения. Опять ошибки. У этих людей всегда так — не могут не нагадить!

Люди заметили его и, оторвавшись от работы, стояли, почтительно склонив головы. Ишанатан скользнул к худому, высокому старику. Седые волосы его слиплись от пота. Длинная пегая борода была заплетена в косичку.

— Ну, что у тебя, Ивар? Опять ошибки? — бросил Ишанатан, потянув носом.

— Ошибки неизбежны, мой господин, — спокойно ответил человек, — слишком сложный процесс…

— Это я знаю! — сверкнул, глазами зорг. — Мне нужно одиннадцать самых лучших.

— Прошу сюда, мой господин, — Ивар показал на небольшое круглое отверстие в стене, — тут пятнадцать полностью готовых.

— Я сам отберу тех, которые мне подойдут.

Через некоторое время двенадцать закутанных в черное теней скользнули к выходу из пещеры.

Усталые, потные люди обступили Ивара. Некоторые с ненавистью смотрели вслед зоргам.

— А правду говорят, что наш подземный король решил потеснить гномов? — спросил молодой, но уже с бледным, болезненным лицом парень.

— Ты поменьше болтай! — осадил Ивар, но тут же добавил: — Так я слышал в больших пещерах. Гномов-то и так, почитай, не осталось… Жалко их.

— Так он поэтому заказывает нам все больше зоргов? — не унимался молодой. — Чтобы с гномами воевать?

— Да там и воевать-то не с кем… одни кузнецы остались. Из них какие воины?

— А я слышал, что гномы — воинственные и злющие, как демоны! — сказал кто-то из стоящих позади.

Ивар вытянул шею, чтобы посмотреть на говорящего.

— Слышал… Ты больше баек слушай! Никакие они не злые… Мрачноватые немного… Будешь тут мрачным, под землей…

— А ты сам-то видел гномов хоть раз?

— Да, пару раз видел… Один раз — издали, а второй раз-то нос к носу столкнулись…

— Ивар, — загалдели сразу несколько голосов, — расскажи про гномов! Где ты их

видел?

— Да где, где… Послали меня — а я молодой еще был и сильный… ты не смотри на меня сейчас-то — раньше я знаешь, какой был… все здоровье тут оставил, под землей…

— Так что — гномы-то?

— Ну вот, послали меня в одну из самых дальних пещер, вроде как на разведку, там один из тоннелей повелителя попал вроде в странную пещеру… Не понял я, в общем… пещер-то много, и все по-своему странные.

— А как повелитель эти тоннели делает?

— Знамо как — волшебством! Прожигает как-то, там потом долго гарью воняет…

— Ну, про гномов-то расскажи!

— Так я и рассказываю! — Ивар недовольный тем, что его постоянно перебивают, хотел было идти работать, но подумал, покряхтел и продолжил:

— Пришел я в эту пещеру, а там, в другом конце ее копошатся маленькие такие и бородатые человечки. Кряжистые, в общем, крепкие. Только маленькие. Заделывают дыру или ход там… В общем, повелитель докопался до них, а они залепили все дыры, да и ушли их этой пещеры… А второй раз случайно столкнулся. Нос к носу. Идет и тащит за спиной сабли, только рукоятки из мешка торчат. И все с камнями драгоценными… я не успел и слова сказать, как он завернул куда-то и исчез…

— А о драконах еще расскажи!

— После, после! Надо за процессом следить… Хотя… сильно-то не стоит нам тут убиваться… Да и вообще… Ошибки могут быть… — Ивар присел на камень.

— Видите ли, братцы… вот владыка подземный вроде и платит нам щедро, да только он знает, что все эти деньги к нему и вернутся.

— Как так? — загудели голоса. — Почему это, к нему?!

— А так — никто из нас отсюда не выйдет! Вы что — поверили обещаниям вербовщиков? Поработаете, дескать, несколько лет, скопите богатство, и айда на все четыре стороны? Нет, братцы, за то время, что я тут работаю, ни один еще не ушел. Бежать пытались, да только зорги беглецов всегда назад приводили…

— Приносили… — поправил кто-то

— Верно, приносили… Чтоб другим неповадно было бегать!

— Так что ж, все мы тут и помрем?

— Ну… — протянул Ивар, — все может случиться… — Он понизил голос. — Я слышал, повелителю ихнему надо опять зелья, иначе копыта отбросит. А зелье-то все труднее доставать становиться. Не одному ему надо… Вот этот Ишанатан и набрал отряд — пойдет зелье добывать… Только зоргов я ему дал не самых лучших, а с ошибками… Вот наша тайная надежда — зелье не достанет, повелитель сдохнет от старости, а мы тогда, может, и на волю выберемся.

— А где это зелье-то спрятано?

— Говорили, что в каком-то не то соседнем подземном царстве, не то в старом и заброшенном замке… И что попасть туда очень трудно. С боем пробиваться надо…

* * *

Ласковые лучи утреннего солнца нежно прикоснулись к дворцам и хижинам

просыпающегося города. Утро в Шадизаре было настолько прекрасным, что заставляло жителей вспоминать о божественной благодати! Райское пение птиц, прохладный, освежающий ветерок…

Днем божественная благодать заканчивалась. Изнуряющая жара, заставляющая все живое прятаться в тень, скучные дела, нудные обязанности… А вечером и ночью наступало время демонов: драки, ограбления, убийства, ожесточенно-веселые кутежи, попойки, игра в кости…

Но проходила ночь, трупы были надежно спрятаны, кутилы, приняв утреннюю кружку вина, расходились отсыпаться, игроки подсчитывали барыши и убытки, а ласковое солнце вновь начинало веселый дневной путь.

Киммериец Конан мрачно шагал по извилистым улочкам окраины Шадизара.

— Кром! Как быстро они кончаются! — ворчал он вполголоса. — Только вчера был полный кошелек! Опять наниматься охранять караваны? Или вспомнить ремесло вора? Или пробраться туда, где еще помнят Амру, и вновь заняться пиратством?

Но, перебирая мысленно все свои старые профессии, Конан с некоторым удивлением осознал, что его не прельщает больше ни опасности воровского дела, ни романтика пиратства. Но не вечно же ему охранять караваны?!

Услышав крики, Конан остановился. За поворотом, похоже, собралась большая толпа. Слышались веселые возгласы, кто-то громко предлагал три к одному на то, что здоровяк продержится еще полколокола…

Подойдя к оживленной толпе, Конан увидел в высшей степени странное зрелище. Четверо солдат и несколько простолюдинов избивали человека могучего сложения. Гигант уже с трудом держался на ногах, но даже не пытался защитить себя.

Солдаты коваными сапогами наносили самые болезненные удары. Примазавшиеся к избиению бродяги работали в основном кулаками.

Но вот солдаты… Особенно свирепствовал один смуглый чернобородый воин. Приемы его были необычны — слегка подпрыгнув, он выбрасывал вверх одну ногу, затем резко опускал, и в этот момент на смену ей взлетала вторая — та, которой он и бил, как кузнечным молотом, в живот противника.

У избиваемого, голого по пояс человека было прекрасное тело — воина, атлета, богатыря, вполне способного защитить себя. Вместо этого гигант молча терпел избиение. Синяки и ссадины покрывали его могучий торс. Из разбитого носа струилась кровь. Правая бровь превратилась в кровавый сгусток и закрыла глаз. Губы чудовищно распухли и кровоточили в нескольких местах. На руках виднелись неглубокие порезы, которые могли быть нанесены только лезвием ножа.

С недоумением взирал Конан на это странное зрелище — здоровяк, который не защищается. Презрение на лице киммерийца сменилось тревогой, когда он заметил, что еще немного, и атлет упадет под ноги разгоряченным солдатам. И тогда его забьют насмерть.

Шагнув вперед, Конан несколькими движениями разбросал нападавших. Смуглый солдат, так ловко вскидывавший ноги, раздосадованный помехой, попытался напасть на непрошенного защитника. Зарычав, он двинулся на Конана, намереваясь, очевидно, использовать свой коронный прием.

Но киммериец не стал ждать, пока солдат вновь продемонстрирует уникальный стиль рукопашного боя. С быстротой нападающей кобры, практически не размахиваясь, он нанес солдату страшный удар в лоб. И не кулаком — чтобы не убить — а раскрытой ладонью.

Отлетев от места событий шагов на пять, чернобородый остался недвижим. Остальные участники потасовки, узнав в неожиданном противнике Конана-киммерийца, пустились наутек.

С брезгливой гримасой, ибо варвар не жаловал тех, кто не мог или не хотел себя защитить, Конан помог избитому здоровяку дойти до ближайшей таверны.

— Спасибо, — прошептал тот разбитыми губами. — Меня зовут Кушух, я родом из Немедии.

— Почему ты не защищался? Ты мог без труда раскидать их всех!

— Я знаю… но я не могу… — Избитый с трудом опустился на скамейку. — Не могу…

— Почему?

— На мне заклятие… Готов ли ты выслушать мою историю?

— Если принесут вина и мяса, — проворчал Конан и сделал знак трактирщику.

— Я родился в Немедии, в небольшом селении, близь границы с Коринфией, — начал избитый гигант. — С детства я был силен, как бык, а в юности так возгордился своей силой, что стал дерзок и заносчив. Меня боялись все в нашем селении и окрестностях. Я мог ни за что, ни про что избить мужчину и даже ударить женщину, если она мне не покорялась. Меня боялись и ненавидели за мою силу…

— Не за силу! — перебил Конан

— Да, конечно… — грустно согласился Кушух. — Не за силу! За то, что я избивал людей… Ты прав…

— Ладно, продолжай, — сказал Конан, наполняя кружки.

Кушух с благодарностью кивнул и, морщась от боли в разбитых губах, единым духом осушил свою кружку.

— Жители нашего и соседних селений отправились к чародею Аль-Руфину. Они собрали все деньги, что у них были, и попросили о помощи. Но на сей раз чародей не стал брать плату. Выслушав рассказ одного из старейшин, дочь которого я изнасиловал, он наложил на меня это страшное заклятие. С тех пор я не могу ударить ни одного человека. Ни кулаком, ни мечом, ни чем-нибудь другим… И люди каким-то образом узнают об этом и бьют меня, где бы я ни появился. Редкий день мне удается прожить без побоев.

— И сколько лет ты так мучаешься? — спросил Конан.

— Почти десять лет. Только сила помогает мне держаться… Любой другой давно был бы мертв.

— Ты не пробовал попросить колдуна снять заклятие? По-моему, ты уже достаточно наказан.

— Пять лет назад колдун Аль-Руфин умер… Мне теперь ничто не поможет… — По широкому лицу Кушуха потекли слезы.

— У меня есть знакомый чародей… — в раздумье начал Конан. — Пожалуй, я мог бы попросить его…

— А он достаточно силен, чтобы снять чары? — с надеждой спросил гигант. — Дело в том, что один уже пробовал, и ничего не вышло, стало только хуже.

— Я не разбираюсь в колдовстве, — с досадой бросил северянин. — Если ты сомневаешься, то не стоит и пытаться!

— Нет, нет! — Кушух схватил киммерийца за руку. — Надо попробовать! Сделай это, и я навечно твой раб!

— Мне не нужны рабы, — с презрением процедил варвар.

— Подожди, — умолял Кушух, — ты ведь Конан? Я слышал, как эти шакалы, разбегаясь, выкрикивали твое имя! Ты Конан?

— Да, я Конан, — проворчал варвар, — что дальше?

— Я знаю, как тебя отблагодарить! Знаю! Ты ведь любишь большие сверкающие камни? Рубины, алмазы — я знаю, где их так много, что даже я, с моей силой, не смогу все унести.

Конан невольно еще раз окинул взором фигуру исполина. Пожалуй, впервые киммериец встретил человека, который, скорее всего, не уступал ему в силе. Обнаженное до пояса тело немедийца бугрилось мышцами. Поймав взгляд Конана, Кушух медленно поставил на стол согнутую в локте правую руку. В единственном открытом глазу его была усмешка.

— Так у нас в Немедии меряются силой. За всю жизнь никто не смог выстоять против меня и несколько мгновений.

В синих глазах Конана загорелся мрачный огонек. Он мог бы быть и поучтивее, этот немедиец! Видно, не всю дурь из него выбили! Просит помощи, и тут же хочет посрамить нового друга! Кром! Ладно, посмотрим, на что он способен!

Сцепившись ладонями и прочно уперев локти в стол, гиганты разом напрягли мышцы. Гомон в таверне утих. Такого зрелища завсегдатаи харчевни еще не видели. Два исполина решили странным образом померяться силой! Побороться одними руками. Со стороны казалось, что за столом сидят каменные изваяния. Только страшно вздувшиеся мышцы и легкое подрагивание рук говорили о том, какую огромную силу прикладывают соперники друг к другу.

Кушух, увеличивая нажим, с усмешкой смотрел на противника. Он был уверен в победе. Рука киммерийца медленно клонилась к столу. Казалось, еще немного… Но синие глаза Конана, встретившись с ликующим взором немедийца, вспыхнули гневом. И варвар призвал на помощь Крома!

Он не позволял себе тревожить бога по пустякам, но теперь, похоже, настал момент, когда срочно требовалась поддержка. И бог не остался безучастным к мольбам своего героя. Конан ощутил прилив сил. Он знал, что сейчас Кром, склонившись с горы Бен Морг, с тревогой наблюдает за борьбой. Он, Конан, не посрамит своего заступника!

Теперь уже рука Кушуха была близка к тому, чтобы бесславно упасть на стол. Ликование на лице его уступило место удивлению, а затем и отчаянию. Со страхом смотрел он, как похожий на каменную глыбу кулак киммерийца медленно пригибает его руку к столу.

— Хватит, — прохрипел он, — хватит, я вижу, как ты силен!

— Борись! — сквозь зубы процедил Конан. — Борись до конца!

С искаженным: покрасневшим лицом, на котором особенно страшно обозначились синяки и ссадины, Кушух из последних сил сдерживал натиск киммерийца. Но сил оставалось все меньше, и скоро рука его коснулась стола,

— Теперь я вижу, что ты действительно тот самый Конан-киммериец, о котором я столько слышал, — сказал Кушух, растирая локоть.

— А ты сомневался? — насмешливо спросил варвар, потряхивая рукой. — Так что ты: там говорил о сокровищах, которые не сможешь унести?

* * *

Высоко в синем безоблачном небе кружил орел-стервятник. Солнце палило нещадно. В

распадке, под одиноким полузасохшим деревом, почти не дававшем тени, сидели двое мужчин. Неподалеку паслись их лошади.

— Мы тут уже две седмицы, — недовольно проворчал Конан. — Где он, твой замок?

— Появится, — убежденно проговорил Кушух, — обязательно появится. Нужно только не заснуть в полночь…..

— Лучше бы послушался Пелиаса и занялся очищением от грехов…

— Твой Пелиас, — начал в запале немедиец, но, взглянув на товарища, осекся, — по-моему, он просто морочил нам голову! Нравственное очищение — и проклятие спадет само! Да я, если хочешь знать… хм… давно уже очистился… с тех пор, как меня стали бить почем зря!

— А может, наоборот — ожесточился? — спросил Конан.

Кушух с досадой отвернулся. Конан встал. Продолжать разговор не хотелось. Вообще ничего не хотелось в такую жару. Хотелось скорее найти таинственный замок и сокровища, обещанные немедийцем.

Конан в раздумье покивал, вспоминая разговор с волшебником Пелиасом. Чародей сразу раскусил, что за птица этот Кушух. Не зря, нет, не зря наложено на него заклятие. И вряд ли ему удастся очиститься настолько, чтобы заклятие пало. Он коварен и хитер. И, кажется, вовсе не собирается исправляться.

«И меня он взял с собой только потому, — размышлял Конан, — что сам не может дать отпор врагам. Ладно. Найдем: сокровище, если он не врет, конечно, и разойдемся в разные стороны…»

Замок… Киммериец усмехнулся. Он и раньше слышал легенду о появляющемся замке. Где-то тут, в Заморе, в предгорьях, близ Карпашских гор появляется замок. Как часто появляется — никто не знает, сколько стоит, прежде чем вновь исчезнуть — тоже. Две седмицы они рыщут по горам, прячась от местных разбойников…

— Послушай, — Конан вновь сел рядом с Кушухом, — почему ты думаешь, что он появится именно в этих местах? Горы — велики! Мы можем его годами искать!

— Он появится тут… я знаю. Я чувствую. — Кушух пристально посмотрел на Конана. — Я немного учился ремеслу колдуна!

— Ты? — удивился Конан. — Вот уж, не подумал бы!

— Да, учился. Я пытался узнать, как снять заклятие…

— Ну, видно ты недоучился…

— Подождем полуночи, — почему-то прошептал Кушух, — замок сегодня появится, я уверен.

Конан лег и забросил руки за голову. Время тянулось, как уставший верблюд по пустыне. Полная луна печально выглянула из-за скалы. Кушух стоял чуть в стороне и всматривался куда-то вдаль.

Варвар совсем, было, задремал, как вдруг резкий крик немедийца заставил его привстать. На ближайшей горе, которая еще колокол назад — Конан мог в этом поклясться — была пуста… виднелся силуэт призрачного замка.

Кушух уже седлал лошадь.

— Торопись! — крикнул он. — Замок стоит недолго, иногда только колокол, иногда сутки и очень редко дольше. Потом исчезает.

— А если мы исчезнем вместе с ним? — спросил Конан, торопливо навьючивая лошадь.

Кушух приостановился. Задумчиво поскреб бороду.

— Не знаю… — выдавил он озабоченно,

— Да я и не надеялся, что ты знаешь. — Конан вскочил в седло. — Вперед!

Вблизи замок совсем не выглядел призрачным. Казалось, он стоял тут всегда. Огромный, неприступный, мрачный. Но не призрачный. Стены были сложены из тяжелых каменных блоков. Каждый блок был аккуратно обтесан и плотно подогнан к другим. И только высота стен была несоразмерна с другими замками. Чтобы увидеть зубчатый верх стены, нужно было задирать голову так, будто хочешь поймать ртом орех.

Конан видел, как играют в эту игру дети. Подбрасываю орех — и сколько раз из десяти поймают…

— Чему ты улыбаешься? — прошептал Кушух. — Надо подумать, как нам попасть внутрь.

— Попробуем вначале через ворота, — беспечно сказал Конан, — вдруг они просто-напросто открыты?

— А может, их стерегут?

— Кто? Призраки? — Конан неслышно скользнул вдоль стены. — Коней привяжи, — донесся его шепот, — они что-то беспокоятся. Я думаю, в замок они не пойдут.

Почувствовав отчего-то легкий озноб, Кушух привязал коней к ближайшему дереву и поспешил вслед за киммерийцем, В неверном свете луны он всматривался в трепещущие тени, тщетно пытаясь увидеть товарища, но киммериец исчез.

— Он же только что был у стены, — бормотал Кушух, — куда он делся?

Зачем-то он посмотрел наверх. Показалось, что на самом верху мелькнуло что-то белое. Отблеск лунного света? Кушух быстро шел вдоль стены в ту сторону, куда скрылся Конан.

Немедиец не был трусом. Но этот замок, эта таинственность, это странное исчезновение спутника… Кушух сам не заметил, как побежал. Где же Конан?

Из кустов выпрыгнула огромная тень. У Кушуха оставалось время, чтобы испугаться, но не хватило времени, чтобы закричать. Тень сбила его с ног, прижала к земле, жесткой лапой заткнула рот.

— Тише, — прошептал Конан, — не вздумай заорать! Ты бежишь, как стало буйволов!

Кушух обмяк и некоторое время лежал, не в силах пошевелиться.

— Я был у ворот, — продолжал Конан, — они открыты. Решетка поднята и совсем не заржавела. Ее тут кто-то чистит?

— Я… я не знаю, — прохрипел Кушух.

— А где сокровища — ты хоть знаешь? — тихо, но с угрозой спросил Конан

— Да, — немедиец приглушенно откашлялся, — знаю… примерно.

Он глубоко вздохнул и поднялся на ноги.

Конан в упор смотрел на него. Потом пробормотал себе под нос:

— Замок будто приглашает войти. Зовет. Мне это не нравится. Я всегда предпочитал входить тихо и без приглашения. Но, похоже, что иначе туда не попасть.

И оба гиганта крадучись направились к воротам. Огромные чугунные створки были распахнуты. Решетка поднята. Все, как и говорил Конан. Медлить было нельзя — замок мог исчезнуть в любой миг. Мягким кошачьим шагом Конан проскользнул в ворота. Кушух тенью следовал за ним. Компаньоны оказались в обширном дворе, вымощенном крупным камнем.

— Вперед, — шепнул Конан, указывая на двери одной из башен, — там тоже открыто.

Решетка позади них с грохотом упала. Эхо многократно отразилось от стен и башен замка. Закрываясь, загудели чугунные створки ворот.

— Проклятье, — прорычал Конан, — ловушка захлопнулась!

— Кто-то знает, что мы вошли… кто-то, кто нас ждал… — бормотал Кушух, дрожа всем телом.

— Ладно, нечего стоять, как истуканам, — и Конан не прячась, зашагал к башне

Достигнув дверей, он замер и прислушался. Тишина после падения решетки оглушала. Войдя внутрь, компаньоны огляделись. Тесная площадка. Две лестницы. Наверх и вниз.

— Нам надо вниз, — прошептал Кушух, — он спрятан где-то в подвалах…

— Он? — недоуменно спросил Конан. — Какой еще «он»?

— Ну, оно, сокровище… сундук с сокровищем, — забормотал немедиец.

Конан решительно шагнул на лестницу, ведущую вверх.

— Я хочу вначале осмотреться.

Винтовая лестница вывела на второй ярус замка. Длинный коридор, уходящий в темноту. Свисающие по углам пласты пыльной паутины. Запах плесени, сырости, запустения. Через узкие окна под самыми сводами скупо проникает лунный свет. По стенам висят незажженные факелы.

Конан молча указал спутнику на факел. Кушух снял один и высек искру. Пламя колеблющимся светом осветило мрачные стены. Что-то не так было в этом замке. С самого начала… Слишком тихо, слишком мрачно, слишком много паутины свешивалось с потолка, слишком гулкими казались их шаги, когда они двинулись по коридору.

— Нужно было идти вниз, — бормотал Кушух, — нечего тут осматриваться.

— Странный запах, — остановился Конан, — такие запахи витают над полем битвы, по прошествии нескольких дней. Когда впитавшаяся в землю кровь начинает смердеть, даже если все убитые уже преданы земле. Сама земля смердит, особенно если жарко…

— Я ничего не чувствую. — Кушух потянул носом. — Нужно вниз идти.

Конан с сомнением глянул на своего спутника.

— Осмотрим вначале тут. Слышишь? — Он с силой сжал руку немедийца. — Слышишь?..

Издали волнами накатывал ропот, слышался звон кубков, пьяные выкрики.

— Это там, за углом. Жди меня здесь, иначе твой топот и мертвых разбудит, — и Конан скользнув вперед, скрылся за углом.

— Не надо было… про мертвых… не к месту… — прошептал Кушух, крепче сжав факел.

Теперь и до него донесся смрад протухшего мяса. Или крови. Конан, должно быть, в этом лучше разбирается. Он не так прост, этот варвар. Он что-то подозревает. Да и сам Кушух тоже хорош! Проговорился почти сразу… Тихо как! И звуки пирушки затихли. Может, они там Конана увидели?

Кушух вслушивался в тишину до звона в ушах. Как в склепе.

«А откуда ты знаешь, как в склепе?» — спросил вдруг кто-то у него в голове.

— Что?! Кто?! — вскрикнул Кушух.

С ужасом он осмотрелся вокруг. Каменные стены будто приблизились. Так и норовят раздавить. Сомкнутся, и будешь вечно бродить по этому замку, раздавленный, с выдавленными глазами и тянущимся хвостом из вывалянных в пыли кишок… Да, кишки тут будут все в пыли, и за ними станет тянуться длинный след, будто проползла змея… Тут столько пыли… Все следы… Вот след Конана — сколько же его уже нет? Колокол, а может два? Вечность? Вот странный след, будто змея проползла…

— Что?! Нет! Не может быть, — шептал Кушух, — этого не может быть… я… еще не раздавлен… я… Следы! Множество следов! Как это мы раньше не заметили? Да тут и птицы ходили — вот он, трехпалый след! Только слишком большой для птицы… И следы копыт. Особенно много следов копыт! Откуда тут лошади? Нет, нет, это не лошади… это другие…

Кушух чувствовал, что еще немного, и он сойдет с ума. Бежать! Надо бежать из этого замка! Нет… бежать надо, но не сейчас. Надо найти бальзам, надо найти его, это чудодейственное средство, которое снимет заклятие и сделает его бессмертным!

— Но он там, в подземельях… В обширных страшных, темных подземельях, в которые я один не смогу, просто не смогу пойти. Я трус, наверное. Я не смогу без Конана, без проклятого, не ведающего страха варвара, которого надо наказать. Наказать! Только вначале найти эликсир. Ну и сокровища, конечно. Там есть и сокровища… но тем, кто знает цену эликсира, эти сокровища и не нужны… хотя можно будет захватить… можно…

Мысли о бессмертии и богатстве немного рассеяли его страх.

«Хорошо, — думал немедиец, — хорошо я буду потом жить, если…»

«Да, если тебе удастся пережить сегодняшний день!»

Кто это сказал у него в голове? Что за шутки? Где Конан? Он бросил его! Он нарочно ушел, бросив Кушуха тут, где появляются следы копыт и звучат в голове страшные, замогильные голоса!

Конан появился как всегда неожиданно. На лице — тревога и что-то еще, возможно отголоски пережитого страха.

— Там никого нет, — приглушенно сказал Конан, — там, в зале, где проходили пиршества и откуда слышались голоса — никого нет! Пойдем, посмотришь сам.

— Да зачем мне… — начал Кушух, но тут же поспешил вслед за своим спутником.

Огромный гулкий зал, заставленный рядами столов и скамеек, казался невероятной величины склепом. Огромная усыпальница. Кушух ощутил чье-то присутствие. Еще и еще… Они все тут. Они пируют. Они теперь вечно пируют. И только иногда для развлечения заманивают одиноких искателей сокровищ и эликсира…

Конан мрачно стоял у стены, и, казалось, прислушивался.

— Клянусь Кромом! Это поднимается решетка! — воскликнул он. — Замок приглашает еще гостей!

Кушух ничего не слышал, но был уверен, что чуткое ухо варвара уловило скрип механизма. А грохот, с которым решетка через некоторое время упала, эхом отразился от каменных стен, и в тот же миг мощный вихрь бросил его на пол. Конан был отброшен к стене, но удержался на ногах. Через несколько мгновений со двора замка донесся шум битвы.

Оба гиганта бросились к бойницам. Поразительное зрелище предстало их взору. Двенадцать закутанных в черное гибких воинов бились с невидимым противником. Каждый из бойцов орудовал саблей с такой быстротой, что казалось, он заключил себя в оболочку из блестящей в лунном свете прозрачной ткани. Такой быстроты, такого мастерского владения оружием Конан не видел, пожалуй, никогда. Мощеный двор замка наполнился звоном клинков, стонами и проклятиями,

— Кто эти черные? — прошептал Кушух. — Клянусь, они не люди. Люди так не смогут, просто не смогут…

Но, несмотря на все свое умение, черные воины падали один за другим. Невозможно было противостоять натиску призраков. Вот осталось четверо, трое, двое, один… Этот

последний сам как бы превратился в призрака и тенью метался по двору, раздавая удары невидимым противникам.

Постепенно он начал отступать к стене. И последний раз взмахнув саблей, он вдруг, зажав оружие в зубах, черной тенью полез наверх. Он карабкался, как паук, раскинув ноги и руки. Миг — и черная фигурка скрылась на другой стороне стены.

— Сейчас они вернутся, нужно убираться отсюда! — И Конан стремительным шагом вышел из зала.

Прятаться не имело смысла. Их, конечно, видели, но почему-то пока не трогали. Через несколько мгновений из открытой двери огромного зала-склепа вновь раздавались отдаленные голоса пирующих. Звон кубков, пьяные выкрики, смех, ругань…

Конан молча шагал по темному коридору. Пора было спускаться в подземелье. Вот и винтовая лестница, уходящая в темноту…

* * *

После неудачной попытки проникнуть в замок и вынужденного бегства, Ишанатан отлеживался в ближайшей пещере. Именно в ней, в самом ее конце начинался незаметный, маленький — не больше волчьей норы — перламутровый тоннель, один из тех, что всегда приводят в центральную пещеру, где на черном троне сидит Повелитель. Этот старик, который мечтает вновь стать молодым. И вновь править железной рукой жителями подземной страны. Точнее, не жителями, а рабами.

Бесчисленной армией рабов, добывающих для него алмазы. Зачем ему столько алмазов? Никогда он не превращал их в сверкающие бриллианты, не шлифовал, не огранял… Ишанатан знал потайную пещеру, где хранились сундуки с алмазами. Были там и другие драгоценные камни — не выбрасывать же, если уж нашлись — но главное для Повелителя — алмазы. Может, с их помощью он делает своих искусственных людей — зоргов? Он, Ишанатан — сделан из алмаза? Вряд ли… хотя… кто знает чародея?

Ишанатан задумчиво осмотрел саблю. Ни одной щербины не было на узорчатом клинке. Все же гномы — самые величайшие мастера всех времен. Повелитель хочет их уничтожить. Зачем? Почему бы не заключить с ними договор? Пусть бы ковали свое чудо-оружие для растущей армии зоргов! Повелитель от старости, должно быть, сошел с ума…

И вообще, что же теперь делать, размышлял предводитель зоргов, — эликсир я не добыл, показываться на глаза старику нельзя. На сей раз разговор будет и вовсе короткий. Может, попросту подождать? Спрятаться, пока Повелитель не испустит дух?

Но как знать — сколько времени на это потребуется? Старик сумеет найти и отомстить за измену. И, кроме того, нужно поговорить с этим рабом, с Иваром! Спросить у него, почему все зорги погибли? Почему они не смогли биться так, как бился он, Ишанатан? Да, нужно спросить, нужно…

Черной тенью скользнул зорг вглубь пещеры.

* * *

Лестница, ведущая в подземелья, замка казалась нескончаемой. Конан шел впереди с

обнаженным мечом, Кушух — следом, высоко держа факел.

— Мы уже давно прошли первый ярус замка, — пробормотал Конан, — а конца этой проклятой лестнице не видно! Не иначе, она ведет в преисподнюю!

— Не говори так, — прошептал немедиец, — не к месту.

— Я вот все думаю, — продолжал Конан, — почему призраки нас не тронули? Тех, черных, искрошили всех, кроме самого ловкого, а нас — не тронули! Почему?

Кушух промолчал. Еще рано знать Конану о таких вещах. Еще больше он может насторожиться, и тогда — все сорвется. Весь план попросту рухнет. Рано, рано…

— По-моему, мы спускаемся не в подвалы замка, — Конан обернулся, — мы спускаемся в недра горы. В подземелье, которое, я думаю, к замку не имеет никакого отношения.

— Ты прав, — нехотя произнес Кушух, — исчезающий замок — только ворота в древнее подземное царство.

— Откуда ты знаешь? — Конану все меньше нравился скрытный и хитрый спутник. Слишком многого он не сказал.

— Я собирал легенды об этих местах, — уклончиво ответил немедиец.

— Значит, древнее подземное царство? — проворчал Конан. — И что говорят легенды? Кто в нем жил? Или живет и по сей день?

— Легенды гласят, что созданы эти пещеры в недрах земли в незапамятные времена, — начал Кушух, — и кто их сотворил — неизвестно. Некоторые считают, что гномы — во времена расцвета. Другие говорят, что тут в огромных количествах плодились драконы. Упоминают и неких «первых людей» — разное говорят.

— А что легенды говорят о сокровищах?

— Что тут таятся несметные богатства! Что же еще?! И что много тысячелетий драконы сторожили подгорные кладовые.

Наконец бесконечная лестница кончилась. Перед людьми, дерзнувшими пробраться в это царство вечной тьмы, открылась арка, за которой виднелось множество ходов и тоннелей.

— Отдохнем, — предложил Кушух, — а заодно и поразмыслим, куда нам двигаться.

Конан мрачно заметил:

— Так ты, я вижу, понятия не имеешь, где тут те самые кладовые, которые драконы стерегли.

— Я знаю, что нужно идти по третьему тоннелю и считать ответвления и повороты. В нужные — сворачивать. Не беспокойся, Конан, — усмехнулся немедиец, — я приведу тебя туда, куда обещал.

После короткого отдыха Кушух уверенно пошел, вперед держа перед собой факел. Множество разветвлений, боковых ходов… Немедиец непрерывно бормотал под нос, считая повороты.

— Пришли, — неожиданно остановился Кушух, — тут, за этой дверью…

Перед ними высилась двустворчатая чугунная дверь, украшенная барельефами неведомых зверей.

— Тут должен быть хитрый замок, — бормотал Кушух, передав факел Конану и шаря руками по обе стороны двери.

С некоторым удивлением смотрел варвар, как мечется вокруг двери его спутник, нажимая на все выступы и рассматривая трещины. Внезапно массивные створки раскрылись, как по волшебству. А, может, это и было волшебство.

Как одержимый, вбежал Кушух внутрь. Конан вошел следом. Не слишком большая пещера, стены — из цельного камня, никакой кладки. Пещера была целиком вырублена в скале. Вдоль стен — массивные, окованные железом сундуки. Несколько факелов на стенах. Конан тут же зажег их все.

— Ну, что? — Голос немедийца звенел. — Сможешь унести все то, что хранится в сундуках? Смотри! Смотри! — Он откидывал одну крышку за другой. — Смотри, Конан!

При свете факелов в сундуках переливались драгоценные камни — алмазы, рубины, сапфиры, опалы, изумруды… Огромной величины… В невероятных количествах…

Конан, как зачарованный, медленно переходил от одного сундука к другому.

— Набивай мешок! — И Кушух показал пример, зачерпнув несколько горстей кровавых рубинов.

Пока Конан не торопясь, складывал в заплечный мешок самые крупные камни, Кушух весело набил свой тем, что попало под руку, а затем незаметно скользнул в другой конец пещеры. Там, в небольшой нише стояла резная каменная чаша, наполовину наполненная прозрачной, густой жидкостью. Прямо над чашей нависал переливающийся всеми цветами радуги странного вида сталактит. С конца его, раз в несколько лет, отрывалась капля. По одной капле в несколько лет… Это и был эликсир молодости и вечной жизни.

— Мало, мало натекло, — бормотал Кушах, — может не хватить… — Трясущимися руками он поднес чашу ко рту, глубоко вздохнул и выпил содержимое. Показалось, что он глотнул сгусток огня. Но мгновенное жжение прошло, и немедиец почувствовал прилив сил. Зелье начинало действовать.

Итак, эликсир выпит, мешок с камнями надежно привязан за плечами, пора выполнить то, что задумано. Схватив факел, Кушух быстрым шагом прошел мимо Конана, и прежде чем киммериец понял, что его предали, — захлопнул чугунные створки. Двери закрылись с легким приглушенным стуком.

— Умели гномы делать… — усмехнулся немедиец. — И бесшумные, и легкие, и открыть можно только снаружи…

— Конан! — крикнул Кушух. — Посмотри, что спрятано в самом большом сундуке! Там, в конце пещеры! Посмотри, Конан, посмотри!

Конан все понял, как только захлопнулись двери. Уже зная, что это бесполезно, он, напрягая мышцы, уперся в створку плечом. Толкнул. Раз, другой… Затем, поднеся ближе факел, стал искать потайной камень, который мог бы открыть двери.

— Не пытайся, Конан открыть их изнутри! — веселился Кушух. — Они открываются только снаружи! Лучше посмотри в большом сундуке! Следующий, кто сюда придет, о тебе позаботится! Посмотри!

Скрипнув зубами, Конан оглянулся. Действительно один, самый большой сундук был закрыт. Подойдя и откинув крышку, Конан увидел, что сундук доверху набит скелетами.

* * *

— Вот такое оружие делали гномы, — заканчивал рассказ Ивар, сидя на камне в окружении товарищей.

— Значит, его можно отличить по узорам? — спросил кто-то.

— Да нет, по узорам-то как раз и ошибиться легко. Узорчатую-то сталь наши ковать

научились! Отличить только по прочности можно! Хоть камни руби ей, хоть железо — не одной выщерблины не будет! Да по гибкости — саблю из той стали, что гномы выковали, можно в колесо согнуть, если силу, конечно, применить огромную. А она разогнется — и как ни в чем не бывало! Вот что эту сталь отличает! Да только мало уже гномов остается. Мало и сабель делается.

— Ну, а те, что раньше они сделали — когда их, гномов, много было — куда ж те сабли делись?

— Знамо куда! Раньше-то воинов с оружием хоронили. Особенно знатных — у них, у знатных, и было это чудо-оружие. С ними оно в могиле и лежит. Мне даже курганы показывали, где похоронены знатные воины с саблями и кинжалами гномов.

— А если?..

— Да нельзя! Нельзя тревожить прах воинов! И вообще нельзя прах тревожить… — Ивар умолк, в задумчивости подперев седую голову костлявым кулаком.

Постепенно толпа стала редеть, люди расходились по рабочим местам — приглядывать за саркофагами, поддерживать нужную температуру, вовремя подсыпать нужные ингредиенты. Глубоко задумавшись, сидел старый мастер, а когда поднял взгляд, то увидел перед собой Ишанатана, его потемневшее от гнева лицо, бешеные глаза.

— Скажи мне, раб, — прошипел зорг, — почему ты дал мне плохих воинов?

Ивар спокойно посмотрел в глаза искусственного человека и увидел в них свою смерть.

— Я надеялся, что вас всех перебьют, а Повелитель сдохнет без своего зелья. И тогда мы все сможем покинуть эти места, — просто сказал он.

— Раб! Жалкое, смертное существо! — шипел зорг. — Ты сдохнешь первым!

— Я не раб, я свободный человек и умру свободным! — Ивар смело глянул в лицо главному зоргу. Потом он вдруг увидел его обутые в черные сапоги ноги, потом пещера несколько раз перевернулась, и он стал смотреть в глаза Ишанатану откуда-то снизу…

И только тогда Ивар понял, что ему отрубили голову…

С криками напали на зорга люди. Но куда им, зачахшим без живительного солнечного света, против искусственного существа, убийцы, вооруженного к тому же оружием гномов! Молча окутался Ишанатан блестящим покрывалом из узорчатой стали, и начали один за другим распадаться на кровавые куски мастеровые люди, дерзнувшие поднять руку на зорга.

* * *

Тщательно осмотрев пещеру, Конан понял, что попал в идеальную ловушку. Двери не открыть, стены, естественно, не пробить. Будь они сложены из камня, можно было попытаться расшатать мечом, вынуть несколько камней, прорваться наружу. Но долбить цельный камень…

С грустью присел гигант на один из сундуков с сокровищами. Еще раньше, увидев пустую чащу, он понял, зачем шел сюда Кушух. Эликсир!.. Впрочем, сокровища он тоже не забыл прихватить. А ему, Конану — человеку, который выходил живым из стольких переделок, предстоит тут умереть и быть, через сотню лет, уложенным в самый большой сундук.

После чего пришедший выпьет или заберет с собой эликсир, набьет карманы драгоценными камнями и спокойно уйдет через чугунные колдовские двери, сработанные

гномами. Уйдет, если его не предаст товарищ и не закроет тут, в этой идеальной мышеловке. В этой ловушке, в которую, судя по скелетам, попадали многие из тех, кто пришел сюда с товарищем за сокровищами или эликсиром. Факелы скоро погаснут, и смерть придет во тьме, в вечной тьме заброшенной подземной страны…

Внезапно двери бесшумно распахнулись, и мягкой, танцующей походкой в зал вошел закутанный в черное, остроносый, похожий на хорька человек. Конан вскочил. Несколько мгновений два воина молча смотрели в глаза друг другу. Ишанатан не вынул саблю, Конан также не стал обнажать оружие. Только медленно, как бы нехотя подошел поближе к дверям. Зорг сделал несколько шагов в сторону, но не стал отходить от двери далеко. Очевидно, он знал ее свойства.

— Кто ты? — Ишанатан пристально смотрел в глаза киммерийца. — И как сюда попал?

— Я Конан из Киммерии. А как попал? — Варвар усмехнулся. — Меня подло бросил здесь мой товарищ.

— Конан? Я слышал о тебе! Зачем ты пришел сюда?

— За сокровищами. А вот мой бывший товарищ, имел еще одну цель…

— Он выпил его?! — вскричал зорг. — Выпил?! Отвечай!

— Сходи и посмотри, — спокойно сказал Конан и… едва успел отскочить.

Зорг неуловимым движением выхватил саблю и рассек воздух в том месте, где миг назад стоял его противник. Отпрыгнув и выхватив меч, Конан принял боевую стойку, ожидая нового нападения. Не оставалось сомнений, что перед ним тот самый человек в черном, который виртуозно дрался с призраками. Единственный оставшийся в живых из отряда, пришедшего в замок.

Быстрота его движений поражала. Только что в руке его была сабля — миг спустя она исчезла, а контуры воина стали расплываться, будто окутались серебристым туманом. На Конана надвигалась стальная завеса. Зорг наступал неуловимым, скользящим шагом.

Огромный меч киммерийца, со свистом описав дугу, обрушился на противника. Такой удар пробивал любые доспехи, раскалывал, как орехи, щиты, ломал, как щепки, сабли и ятаганы. Но произошло невероятное — меч отскочил от сверкающей завесы, как от гранитной скалы!

Ишанатан наступал. Несмотря на всю быстроту, которой варвар так удивлял противников, по сравнению с зоргом он казался медлительным и даже неуклюжим. Времени оставалось немного — скоро этот странный, похожий на быстрое, хищное животное боец загонит его в угол, где невозможно развернуться с мечом…

Попробовав еще один мощный пробивающий удар и получив тот же результат, Конан решил изменить тактику.

Широко размахнувшись, чтобы противник ожидал такого же удара, как и два предыдущих, он, резко крутанувшись волчком, присел и ударил мечом по щиколоткам черного воина.

Удивленно смотрел Ишанатан на лежащие рядом с ним его собственные ноги, обутые в дорогие сапоги. Причем, верхняя половина сапог осталась на нем, а нижняя, вместе со ступнями лежала рядом. Боли он не чувствовал — только безмерное удивление.

Этот воин оказался лучше его! Этот человек!.. Разве такое возможно? Значит, Повелитель создал не самых лучших воинов? А может, люди вовсе не так плохи, как он думал? Может среди них много прекрасных бойцов? И когда нахлынула слепящая, туманящая сознание боль, он последним проблеском мысли понял, что относительно людей был и прав,

и не прав одновременно. Просто он встретился с самым лучшим воином-человеком. Только и всего…

Одним быстрым ударом меча Конан прекратил мучения зорга. Немного постоял, как бы отдавая дань великолепному фехтовальщику, потом подошел к сундукам и продолжил набивать сумку алмазами.

* * *

Вверх, вверх по бесконечной лестнице — Конан спешил изо всех сил. Но даже его выносливости не хватало. Несколько коротких передышек на ступеньках и опять — вверх.

Наконец — знакомая башня. Двери во двор замка открыты. Мощеный двор, ворота распахнуты, решетка поднята! Скорее к выходу!.. Скорее миновать эти предательские ворота… Но — что это?! О, Кром! За воротами — нет ничего! Пустота. Провал. Прозрачная пелена пустоты.

* * *

Со змеиным злорадством наблюдал Кушух, как исчезал замок. Вначале подернулся сизой дымкой, затем стал колыхаться, как марево, и, наконец, через краткий, неуловимый миг, на вершине холма уже ничего не было.

Посмеиваясь, немедиец оседлал своего коня, уздечку второго привязал к седлу, запустил руку в сумку со сверкающими при солнечном свете камнями, радостно вздохнул и неторопливо тронулся в обратный путь.

* * *

С трудом подняв отяжелевшую голову, Повелитель обвел мутным взором склонившихся перед ним зоргов. Дыхание с тяжелыми хрипами вырывалось из его одряхлевшего тела.

Из недр земли, постепенно нарастая, доносился тревожный гул. В последний раз вскинулся на черном троне страшный старик, захрипел и затих. Тело его, с помощью волшебного эликсира сохранявшее жизнь в течение тысячелетий, на глазах зоргов стало распадаться, оседать, крошиться. Через несколько мгновений на троне лежала только горсть темного праха.

Гул нарастал. Зорги внезапно почувствовали странные изменения в своих искусственно созданных телах. Рухнула сила, скрепляющая их мышцы, кости и сухожилия. Недоуменно падали искусственные существа, со страхом глядя друг на друга.

Земля стонала и содрогалась. Судороги проходили по всем перламутровым тоннелям, по огромным пещерам, созданным волшебной силой грозного старца. Подземный мир рушился. Земля поглощала то, что ей принадлежало испокон веков. Пещера, где на черном троне лежала горсть праха, раскололась надвое, и оставшиеся в живых зорги увидели разверзшуюся под ними пропасть, на дне которой клокотала расплавленная магма.

И раскаленные недра поглотили останки того, кто дерзнул когда-то вторгнуться в святая

святых матери-земли.

* * *

С тяжелым сердцем вернулся Конан в замок. Куда идти? На второй ярус, где пируют призраки? Или забраться на самый верх — осмотреться? Вряд ли увидишь что-то новое… Что можно вообще увидеть, если вокруг пустота? Что остается? Ждать, когда замок вновь станет реальным, вновь появиться на старом месте? А где он сейчас? Как все это объяснить? Исчезающий замок…

Чтобы хоть чем-то заняться, Конан решил обследовать первый ярус. Такой же пыльный коридор. Та же паутина, свисающая с потолка. Все так же, как и на втором ярусе — не слышно только отдаленного эха призрачного пира. Наоборот — тяжелая, гнетущая тишина. Ни одного звука. Может, дело в том, что замка уже нет на прежнем месте? Он сейчас, скорее всего, просто не существует…

Конан медленно двинулся по коридору. Странно — не слышно даже его шагов. Если все так же, как на втором ярусе — сейчас, за поворотом будут двери. За дверями — возможно, такой же зал, как и наверху. Тот, верхний зал наполнен призраками. А что он встретит тут? Пустоту?

Странная нерешительность овладела Конаном. Стоит ли бродить сейчас по замку? Зачем? Может, лучше просто сесть у ворот и ждать?..

Повернув за угол, он в сомнении остановился. Такой же длинный коридор, такая же дверь невдалеке. Все, как на втором ярусе. И… те же обитатели? Или другие — еще хуже? Показалось вдруг, что в конце коридора мелькнула тень. Что-то неуловимое — как бы выглянуло из-за следующего поворота и скрылось. Просто посмотрело на него. Убедилось, что он тут — человек из плоти и крови! Он тут, он в их власти… Неприятный холодок пробежал по спине северянина.

Призраки… Разве можно их одолеть мечом?! Невольно Конан вспомнил, как расправились призраки с отрядом непрошенных гостей. Нужно ли ему идти и заглядывать в зал? Наверное, этот зал так же уставлен столами и скамейками. И там никого нет. И только эхо отдаленной пирушки разносится в гулкой пустоте. И кто же это, интересно, выглянул из-за угла? Они заметили меня, они увидели, что я иду, они готовятся к встрече…

Стиснув зубы, Конан медленно двинулся вперед. Вот она дверь — направо. Нужно только открыть и войти. Легкий порыв ветра холодком пробежал по спине. Будто чье-то ледяное дыхание…

Конан невесело усмехнулся — странные мысли лезут в голову! Ледяное дыхание! Ледяного дыхания не бывает… Разве что… у мертвых… Хотя, нет — какое же дыхание у мертвых? Мертвые не дышат. И если они и ходят иногда, оживленные колдовством, то — не дышат. Они не могут дышать холодом. Холод просто сам следует за ними. Повсюду. Вот и сейчас в замке стало прохладно.

Варвар невольно поежился. Почему вдруг у него замерзла спина? Потому что кто-то, или что-то за ней сейчас пробежало? Может он — тот, кто пробежал за спиной — задел его, окутал холодом? Вот опять! Будто кто-то прикоснулся!..

Конан прижался заледеневшей спиной к стене и вынул меч. Странная вялость была в мышцах. Скованность. Он со злостью стиснул зубы и несколько раз глубоко вздохнул. С

легким ветерком принесло запах. Опять тот самый гнилостный запах пролитой несколько дней назад крови.

Это заставляло задуматься. Сколько же крови было пролито в стенах этого замка? Сколько предсмертных криков слышали эти камни? Сколько проклятий, стонов… Ему показалось? Нет, там, за дверью действительно кто-то стонет. Там, наверху — пирушка, а тут — стоны? Может быть за дверью — камера пыток? Нужно войти и посмотреть… Но зачем? Разве от этого что-нибудь изменится? Нет, нужно войти!

Внезапно Конан вспомнил, как хлебнул однажды скисшего вина. Уксус, кислятина, да еще и с запахом плесени… Протянув руку, уже взявшись за резную ручку, Конан почувствовал во рту привкус прокисшего вина и плесени… Нельзя медлить! Если сейчас промедлить — тогда он никогда не сможет заставить себя открыть эту дверь!

За спиной опять пробежал кто-то холодный. Киммериец не стал на сей раз оглядываться. Только вновь почувствовал ледяное дыхание.

Опять нахлынули воспоминания. Конан вспомнил, как когда-то хоронил товарища. Он вырыл глубокую могилу, чтобы не добрались до мертвого воина шакалы. Глубокую могилу. И когда он спустился в нее сам и стал опускать мертвого друга, то почувствовал холод. Холод земли. Могильный холод. И холод мертвого тела, которое будет тут закопано. Он тогда бережно уложил павшего друга, вложил ему в руку меч, поправил одежду — сделал все, как надо, несмотря на то, что ему так хотелось поскорее выбраться наверх. Несмотря на то, что холод постепенно проникал, казалось в самую кровь, леденил сердце, камнем ощущался в желудке.

Таким же могильным холодом на него повеяло и сейчас — от того, кто пробежал за спиной; от двери, которую он сейчас распахнет. От каменных холодных стен, от всего этого призрачного замка, пленником которого он стал.

Резко дернул варвар дверную ручку. Почти бесшумно, с легким скрипом раскрылись двери. Громче стали стоны, сильнее пахнуло гниением. Еще холоднее стало вокруг.

Сделав несколько шагов, Конан осмотрелся. Такой же зал. Только ни столов, ни скамеек. Вместо них — орудия пыток. Дыба, колесо, разного размера крюки для подвешивания за ребро. Неподалеку — горн, похожий на кузнечный, но имеющий совсем иное предназначение. Не для ковки нагревалось тут железо. Для других целей…

Тут же лежали предметы, которые накаляли когда-то на этом горне. Огромные щипцы — разрывать податливую, дымящуюся плоть и вытягивать жилы. Толстые иголки — загонять их, раскаленные докрасна, под ногти. Множество разного размера прутов…

Медленно обходил Конан эту пыточную мастерскую. Вот ужасное приспособление для постепенного, мучительного раздавливания ноги. Вот наковальня — вся в засохшей крови, и на ней молоток — расплющивать каждым ударом по одному пальцу на руках… Кровь и на молотке. И будто белые осколки костей разбросаны вокруг. Или это чудится? Кровь, стоны…

Отдаленные стенания опять донеслись до слуха воина. Будто издалека ветром приносимые звуки — крики, вопли, мольбы о пощаде и над всем этим, перекрывая голоса несчастных узников — громкий, злобный смех! Смех насытившегося упыря, смех источающего злобу чудовища в человеческом облике. Того, кто был тут, в зале для пыток, хозяином.

Закачался внезапно один из крюков, мелькнул, казалось огонек в горне, слегка передвинулся один из прутов, будто некто пробовал, какой лучше взять, смотрел, выбирал. Заскрипело пыточное колесо. Раздался дикий вопль и хруст перебиваемых костей… Или все

это чудится? Может, он просто все представил? Вот висит на дыбе обнаженный человек. Ногтей у него давно уже нет — кровавые сгустки на том месте, где были ногти. Какой-то смутный силуэт огромного и непомерно жирного человека в кожаном фартуке, забрызганном кровью, тянет за веревку, поднимая несчастного за руки, скрученные за спиной. Скоро руки вывернутся из суставов, и человек, испытывая ужасные муки, бессильно повиснет, раскачиваясь, как мешок…

Собрав все силы, Конан выбежал из зала и захлопнул дверь. Вдали стихал злобный, торжествующий смех. Скорее, на воздух, во двор, к воротам… Все по-прежнему — ворота открыты, решетка поднята… Но на сей раз, за воротами — мир! Зеленая трава, небольшие деревья. Мир вернулся. Точнее — вернулся замок! Конан шагнул за ворота.

* * *

… Стены замка были под стать тому, другому, призрачному, из плена которого Конан освободился только два дня назад. Огромные башни тянулись к небу, казалось, островерхие вершины их задевали, царапали облака. Наполненный мутной водой ров окружал эту неприступную цитадель.

— Провалиться мне на месте, — пробурчал киммериец, — еще пару дней назад этой цитадели тут не было! Еще один исчезающий замок?

На дороге, ведущей к воротам, наконец, показалась повозка. Изможденный, с потухшим взором немолодой крестьянин, ссутулившись, сидел в телеге, груженой бочками.

Остановив повозку, Конан спросил:

— Чей это замок?

— Нашего светлейшего хозяина, всемилостивейшего повелителя Кушуха.

— Что? — воскликнул Конан. — Ты сказал — Кушуха?!

— Да, так зовут нашего повелителя, — поклонился крестьянин.

— Скажи, — Конан решил сильно не пугать бедного человека, — скажи, когда построен этот замок?

— Господин, видно приехал издалека… — остро глянул крестьянин. — Этот замок начали строить год назад и теперь почти закончили. Небывалое дело — построить замок за год! Но господин наш так богат и могуществен… На строительство было собрано столько народу… Сейчас осталось лишь обустроить внутренние помещения, но господин уже живет в северной башне. Говорят, там такая роскошь!

— То есть, как — год назад? Три дня тому, я проезжал этой дорогой! Никакого замка… — Что-то было не так, и Конан это понял сразу, как только увидел крепость. И только теперь окончательно убедился — прошел ровно год!.. Его не было год! Не один день — год! Пока он был в призрачном замке — тут прошел год! Кушух за это время сумел воздвигнуть замок. Стал господином! Окружил себя неприступными стенами. Приказал называть себя повелителем!

— В северной башне, говоришь?.. — пробормотал он, скорее себе, но крестьянин услышал.

— В восточной части замка не достроена стена, — тихо сказал он, — там проще перелезть, хотя и ходят часовые. А в саму башню ведет подземный ход из колодца, что в ста шагах к югу. Я его строил. Всех строителей Кушух убил… и моего сына… а меня, видно,

просто забыл. Я работал там непостоянно… — В глазах крестьянина стояли слезы.

Конан запустил руку в кошель и вынул горсть алмазов.

— Возьми, отец… сына это не вернет, но поможет тебе жить.

— Убей его, воин! — выкрикнул крестьянин. — Убей! Убей…

— Убью, — твердо сказал Конан, — отомщу за твоего сына… и за все остальное.

* * *

Ароматный дым поднимался из чаши, вокруг которой танцевали полуобнаженные красавицы. Развешенное по стенам оружие поражало великолепием отделки и величиной драгоценных каменьев на эфесах. Громадные телохранители, с ятаганами наголо, и ростом, и сложением, не уступавшие хозяину, застыли в дверях черными статуями.

Но тревожно было на душе у Кушуха. Сердце сжималось, чувствовало приближающуюся опасность. Весь год прожил он спокойно, уверенный в том, что Конан, надежно закрытый в пещере, погиб. Но два дня назад перестала радовать его роскошь, перестали привлекать прекрасные тела юных танцовщиц, перестала доставлять удовольствие власть. Он чувствовал — Конан остался в живых. Конан выбрался из ловушки. Конан придет, чтобы отомстить, и месть его будет ужасна.

И ворочался ночью на мягкой кровати немедиец, и не сон объял его, а некая дрема, когда сновидения причудливо переплетаются с реальностью, когда, зная, что спишь — видишь, будто идешь; зная, что ты дома — видишь себя в призрачном замке.

И видел Кушух: бежит он по лестнице, захлопнув двери сокровищницы, оставив там Конана, — бежит, а за ним следом несется, догоняя его, что-то непостижимо страшное. Неуловимое, непонятное. Вот-вот догонит, схватит… И тогда судьба его будет хуже смерти. Оледенеет он в вечном замогильном бдении, и вечно — вечно — будет убегать от своего ужаса по нескончаемой лестнице в этом страшном, мрачном подземелье…

А ноги становятся все тяжелее… А сумка с сокровищами давит на плечи неимоверным грузом — тяжелее, чем мешок, наполненный булыжниками, тяжелее, чем отрубленные головы тех, кого он убил — крестьян, знавших про подземный ход. Про его надежду, про его последнюю возможность спастись, ибо, когда придет киммериец — не остановят его ни стены, ни двери, ни телохранители…

Кушух проснулся в холодном поту и увидел, что киммериец стоит с мечом в руке перед его ложем. Хотел закричать предатель, — но только хрип вылетел из его горла.

— Возьми любое оружие, — спокойно сказал Конан, — я не хочу убивать безоружного.

Непослушными руками снял Кушух со стены самый тяжелый ятаган. Взвесил в руке. Оттягивая момент схватки, хотел что-то спросить, но варвар покачал головой и приготовился к бою. И весь страх, вся ненависть, все напряжение последних дней выплеснулось в дикой атаке немедийца. Его ятаган раз за разом наносил страшные удары, в которые он вкладывал всю свою силу. Отступив на шаг, Конан, неожиданно для себя, применил тактику убитого им зорга. Конечно, действовать мечом с такой быстротой, как Ишанатан орудовал саблей, было невозможно, но это и не требовалось. Мощные удары ятагана разбивались о сверкающий кокон, которым окружил себя киммериец. Затем Конан сделал скользящий шаг вперед, — и тело Кушуха, разрубленное на несколько кусков, грузно осело на ковер, пропитав его кровью. Черной кровью предателя.

* * *

— Интересно, кто-нибудь достроит этот замок? — в раздумье пробурчал Конан, оглянувшись на темнеющую громаду. Вряд ли… Скорее всего, его теперь разберут по камешкам окрестные жители. Построят себе хорошие, прочные дома. И правильно! А я, как-никак, целый год не пробовал вина, не держал в объятиях красивых женщин! Нужно поторопиться!

И Конан направился в Шадизар, где, как он помнил, в одной таверне было отменное вино и лучше в Заморе красотки.

Ник Харрис

Ритуал Луны

Колдовская пентаграмма пылала голубоватым пульсирующим светом. Даже маг Вариос, глядя на яркое свечение линий, вынужден был щурить глаза. Его слуга и помощник Грумми, с выражением благоговейного ужаса на худом, усталом лице, подавал хозяину чаши с порошками. Работа помощника колдуна требовала большой сосредоточенности. Грумми не хотелось даже думать о том, что случится, если он перепутает чаши. И потому, подавая хозяину очередную порцию зелья, он старался не смотреть на пылающий чертеж, из которого уже доносились тихие голоса, будто из соседней комнаты через приоткрытую дверь.

Грумми знал, что произойдет дальше. Голоса приблизятся, потом раздастся шум, будто бранятся сразу тысяча демонов, а потом… потом будет самое страшное. Явится тот, кого даже мудрый и злой Вариос боится до дрожи. Боится настолько, что вызывает лишь в крайнем случае, если нет другого выхода. Как теперь. Когда под угрозой само их существование — хозяина, и его, Грумми — бедного слуги, который не хочет, но вынужден прислуживать колдуну.

Грумми вспомнил, как впервые пришел к Вариосу. Пришел просить помощи, как делали многие, когда случалась беда. Кто ж еще поможет, как не колдун? И колдуны, чаще всего, помогали, требуя за услуги плату — иногда небольшую, иногда огромную. Никто не знал, от чего зависел размер платы. Поговаривали — от богатства хозяина. Колдун, дескать, видит, с кого брать. Но Грумми знал много случаев, когда колдун начисто обирал бедняков, а с богатых брал гроши. Иногда — наоборот. Другие считали, что плата зависит от сложности и опасности задачи, за которую берется чародей. Как бы то ни было, Грумми готов был заплатить. Отдать последние деньги, только бы вернуть внезапно умершую мать.

Они с матерью жили достаточно уединенно. Грумми работал на строительстве домов — он был неплохим камнетесом — мать вела хозяйство, готовила вкусные обеды и ужины. И еще пилила сына за то, что он, дожив до тридцати лет, не обзавелся собственной семьей. «Давно пора, — ворчала мать, — передать хозяйство молодой жене, а ей, матери, отдыхать и нянчить внуков».

Но Грумми отшучивался — вот подзаработаю деньжат — и уж тогда!..

А потом мать внезапно умерла. Просто захрипела и стала падать — Грумми едва успел ее подхватить. Донес до кровати и обнаружил, что сердце матери не бьется, дыхание исчезло, а открытые глаза — не видят. Весь день Грумми обливался слезами, а к ночи пошел к башне колдуна. Вот так он и попал на службу к Вариосу. К мудрому и злому волшебнику.

Путь до темной, мрачной башни был неблизкий, и Грумми порядком устал, когда, наконец, уже глухой ночью, увидел зловещий силуэт, перстом указывающий в звездное небо. Долго стучался Грумми в дубовые двери. Гулко отдавались удары в темной башне. Наконец, откуда-то сбоку появился большой, черный, как сама ночь, кот. Тенью скользнул он к ногам человека, потерся, задрав хвост, затем уселся и с недовольным видом глянул на непрошенного гостя. Долго человек и кот смотрели друг на друга, затем кот исчез, а двери башни распахнулись и Грумми, ошалело вошел внутрь.

Из темноты на него надвигался странный силуэт. Казалось, навстречу двигалась сама тьма, сгустившись и приняв причудливую форму. Постепенно сгусток тьмы обрел очертания человека с сидящим на плече котом. Глаза кота горели неугасимым мрачным огнем.

Затем вспыхнул факел, и Грумми смог осмотреться. Башня была довольно тесной.

Сложенная из грубо обтесанного камня, она выглядела невзрачно и неказисто. Если бы строил Грумми, стены были бы ровнее, а камни лучше подогнаны друг к другу. Посредине стоял большой стол, вокруг несколько скамеек, в углу — лежанка. У стены — простая деревянная лестница на второй этаж. Где-то наверху, вероятно на чердаке, ухали совы. А тут, на первом этаже, из угла слышался крысиный писк. Кот, сидя на плече хозяина, поводил ушами, но не рвался сражаться со своим извечным врагом.

Нельзя было сказать, что колдун погряз в роскоши. Но ведь случалось, что он брал за свои услуги огромные деньги… На что он их тратил? Или — копил?

— Что привело тебя ко мне, человек? — спросил колдун низким голосом.

Казалось, в его груди звучало гулкое эхо.

— Я… — начал Грумми и вспомнил о своем горе.

Бросившись на колени, он залепетал:

— Мать… умерла… я все отдам… помогите…

— Встань, — коротко приказал колдун. — Когда она умерла?

— Сегодня утром, — сказал Грумми

— Что ж, времени прошло немного… Я смогу оживить ее Ритуалом Луны, но за это ты должен будешь служить мне днем и ночью в течение трех лет!

— Я согласен, — прошептал Грумми.

— Хорошо. Завтра ночью тайно привезешь ее сюда. А пока… Днем ты должен сделать вот что…

С ужасом выслушал Грумми указания колдуна. Ну, взять горсть земли с самой свежей могилы — нетрудно. Поймать ядовитую змею — тоже несложно… Но похитить самую красивую девушку селения, связать и привести в башню!..

— Зачем? — осмелился он спросить.

Лицо колдуна слега перекосило усмешкой.

— Нам понадобится помощница. Или ты не хочешь вернуть к жизни мать?!

Именно тогда Грумми впервые разглядел колдуна. Крупный мужчина средних лет, не толстый, но плотного сложения, по-своему красивый, грубоватой, мужицкой красотой. Длинные вьющиеся волосы с проседью, аккуратно подстриженная борода, тоже серебрящаяся селимой. И черные брови, мрачно нависающие над глазами, когда хозяин чем-то недоволен. А сами глаза — немного неуместные на этом грубоватом лице — серые, умные, печальные. Глаза человека, познавшего все науки и прозревшего грядущее.

И не осмелился Грумми больше ни о чем спрашивать. И взял он земли со свежей могилы, и поймал змею, и заманил на окраину селения красивую девушку, связал ее и привез тайно в башню. Долго смотрел на нее Вариос, хмурил густые брови, потом приказал развязать, и запер на самом верху башни, вместе с совами и нетопырями.

А когда ночью привез Грумми труп матери, приступили они к самому страшному — к оживлению мертвеца. И еще до того, как труп стал подавать первые, ужасные признаки неестественной жизни, пожалел несчастный сын, что затеял это недоброе дело.

Начертил Вариос на каменном полу своей башни пентаграмму, зажег в каждом углу специальные, ароматные свечи. И вспыхнули линии пентаграммы, когда начал колдун читать заклинания.

Тяжелыми камнями падали страшные, нечеловеческие слова. Бросал чародей по углам своего чертежа порошки, и наполняли башню запахи — то ужасные, как смердение трупа, то ароматные, как благоухание цветущего сада. И бросил колдун голову змеи, и присыпал ее

могильной землей, и тогда по телу мертвой женщины пробежали первые судороги. Она лежала в центре чудовищного чертежа, уже посиневшая, тронутая смертью, с пятнами на лбу и щеках, и скрюченные пальцы ее судорожно царапали пол.

— *Нелуон, таул, хомонореум,* — нараспев читал Вариос, и труп содрогался в судорогах.

— Не надо, не надо — заткнув уши, шептал Грумми, — не надо, остановись, колдун, остановись…

— *Клемиал, серугих…* — Страшные хрипы раздавались из средины пентаграммы, мертвец стонал и кашлял, извиваясь, как недавно обезглавленная колдуном ядовитая змея.

Грумми зажмурился, обхватив руками голову. Что же мы делаем?! Мы идем против природы, против воли богов! Мы пытаемся отобрать у них то, что они взяли себе!

— *Агла! Касоли! Варф!* — кричал колдун, и мертвая — нет, уже не мертвая — старуха открыла глаза.

— Скорее! — крикнул Вариос. — Веди девушку! И подай мне жертвенный нож!

Грумми бросился наверх, второпях упал, расцарапал колени, раскровенил ладони, притащил сонную от выпитого накануне зелья, обнаженную девушку, поставил ее перед извивающейся в судорогах матерью, бросился за ножом…

И в этот момент в дверь постучали. Громко и требовательно. Так стучит вернувшийся домой хозяин — властно, нетерпеливо. Грумми вопросительно глянул на Вариоса. Колдун прислушивался, нахмурив брови. Просители так не стучат. Этот человек не просит — требует! И если дверь не открыть, он будет ее ломать. Но, может быть, удастся завершить ритуал…

— Нож! — крикнул чародей, но Грумми только растерянно моргал.

Снаружи послышались проклятия, и двери затрещали от мощных ударов. Казалось, затряслись стены башни. Спустя несколько мгновений створки распахнулись, и вошел высокий воин богатырского сложения, с обнаженным мечом в руке. Отблески пентаграммы заиграли на широком отполированном клинке. Окинув взором происходящее, гигант воскликнул:

— Клянусь Кромом! Я чуть не опоздал!

Вариос не двинулся с места. Прищурившись, он изучал незваного гостя. Грумми хотел что-то сказать, но, глянув на меч, покачал головой.

Не обращая внимания на мужчин, гигант подошел к девушке:

— Ты — Рахима? Отец пообещал за твое спасенье десять золотых монет. Еще немного — и я бы не смог их получить!

Вариос, наконец, вкрадчиво произнес:

— Тебя наняли ее спасти? Я дам вдвое больше! Двадцать монет! Подумай… Кто она тебе?

— Я так не работаю, колдун, — в синих глазах воина зажегся недобрый огонь, — поэтому закрой свою смрадную пасть!

Подойдя к обнаженной девушке, он обнял ее за талию, отчасти поддерживая, отчасти показывая, что берет ее под свою защиту. Девушка едва доставала гиганту до плеча.

— А, кроме того, она мне нравится! — уже весело рявкнул воин. — Эй, слуга, принеси ее одежду!

Грумми поспешил исполнить приказ незваного гостя.

— Почему ты пришел ко мне, герой, — прошипел Вариос

— Где же еще искать похищенную красавицу, как не в берлоге колдуна?!

Внезапно серые глаза чародея подернулись дымкой.

— И ты… и девушка… — прошептал он, — мы еще встретимся…

Грумми, косясь на огромный двуручный меч, помог девушке одеться.

— Прощай, колдун! Если мы встретимся еще раз, я тебе не завидую! — И воин, поддерживая девушку, вышел из башни.

— Все… предопределено… — шептал Вариос. — Вы оба придете ко мне… оба… — Он вдруг схватился за шею. Тяжело опустился на скамью, пытаясь отдышаться.

Громкие стоны вернули его к действительности. Старуха встала и, шатаясь, вышла из пентаграммы. Мертвые глаза ее были открыты, по телу проходили судороги, на губах пузырилась пена. Пятна смерти на лице старухи стали еще заметнее. Сделав несколько шагов, она припала к рукам сына, на которых оставалась полузасохшая кровь.

— Ритуал не закончен! — прохрипел Вариос. — Она не должна вкусить крови!

Но было поздно. В оцепенении смотрел Грумми, как жадно слизывает, сгрызает мертвая старуха кровавые сгустки с его рук. С проклятием оттащил колдун труп старухи от ее несчастного сына. Мертвая начала выть, пытаясь извернуться и укусить оживившего ее чародея. Только захлопнув за ней дубовые двери и подперев их крепкой палкой, ибо засов гигант сломал, как соломинку, колдун и его слуга почувствовали себя в безопасности.

Леденящий вой мертвеца вскоре стих вдали.

— Он мне ответит за это! — воскликнул Вариос. — Клянусь, он ответит!

— Кто? — непонимающе спросил Грумми, пытаясь стереть с рук остатки кровавых сгустков.

— Этот человек! Он придет… сам придет к нам!

Тяжело дыша, Вариос рванул ворот туники.

— А как же теперь… Как же мать? — Грумми растерянно смотрел на хозяина.

Отдышавшись, Вариос долго молчал, сдвинув брови.

— Она теперь стала чудовищем. Ритуал был нарушен, — он скрипнул зубами, — но ты должен отработать у меня три года, ибо таков был договор!

— Но ведь… — начал Грумми.

— А, кроме того, — колдун усмехнулся, — тебе теперь из этой башни нет хода: она попробовала твою кровь и будет за тобой охотиться.

Грумми с ужасом слушал чародея. Что они наделали?! Зачем, зачем решили оживить труп? Горе ослепило его, и он решился на ужасное, черное дело. Его мать, его любимая мать, такая добрая, теперь стала чудовищем. Живым мертвецом! Она будет ловить по ночам одиноких путников, раздирать им горло и пить, лизать, сосать, лакать свежую кровь. И охотиться за ним — за сыном, который должен стать слугой колдуна.

— И как долго он… она будет…

— Пока кто-нибудь не убьет ее… хотя сделать это нелегко — убить того, кто уже мертв… — в раздумье сказал волшебник. — А тебе, друг мой и помощник, — добавил он с усмешкой, — придется теперь прятаться в этой башне.

* * *

Проснувшись, Конан с хрустом потянулся. Нежные женские руки тут же обвили его шею.

— Подожди, Рахима…

С легкой досадой он освободился от объятий лежащей рядом женщины, поднялся с лежанки и вновь потянулся. Зевнул.

Женщина наблюдала за ним, как львица за пробуждающимся молодым и сильным львом — хозяином прайда. Она была благодарна ему за чудесное спасенье и еще больше за то, что он увез ее из небольшого селения в славный Шадизар, где они вели веселую, разгульную, такую интересную жизнь. И очень боялась, что этот варвар, знавший многих женщин, пресытится ею и отправит обратно к отцу, ведущему скучную жизнь мелкого торговца.

Киммериец не спеша умывался. Рахима в который раз заворожено следила за игрой мускулов своего возлюбленного. Казалось, не может природа дать одному человеку такую силу!

— Конан, обещай, что не бросишь меня! Поклянись! — Она выскользнула из-под одеяла и вновь попыталась обнять своего спасителя.

— Хм, хм… — Конан вытирался. — Ты *уже* в который раз требуешь от меня клятвы… Я же говорил, что не даю таких обещаний женщинам…

— Поклянись хотя бы, что никогда не прогонишь меня!

— Ну… не прогоню… не прогоню.

— Нет, ты поклянись! Поклянись именем своего бога!

С досадой повернулся к ней северянин… но, увидев прекрасное обнаженное тело возлюбленной, смягчился. Эти темные глаза, которые еще недавно приводили его в трепет! Это смуглое тело, просящее… нет, требующее ласки! Полные алые губки, надутые в вечной детской обиде… Если эту женщину одеть, как подобает, она затмит собой всех красавиц Шадизара!

И под влиянием нахлынувших чувств, Конан сказал слова, о которых впоследствии не раз пожалел:

— Клянусь Кромом, что не прогоню тебя. Только если сама захочешь уйти…

Радостно бросилась Рахима на шею гиганта и долго со слезами прижималась к нему горячим телом…

— Все это хорошо, — проворчал Конан, освобождаясь, наконец, от объятий, — но у нас кончаются деньги.

— Я буду с тобой, даже если ты станешь нищим! Если ты будешь просить милостыню, я буду сидеть рядом с тобой! Если ты пойдешь по миру, с посохом вместо меча — я пойду с тобой, — радостно щебетала Рахима.

Только тут понял варвар, какую ошибку он совершил, поклявшись именем Крома. Вздохнув, проворчал:

— Нищим, говоришь, пойду? С посохом, вместо меча? — Конан попытался представить себя, устало бредущего от селения к селению с посохом в руке, и засмеялся.

— У меня припрятана в одном месте кубышка с алмазами — нищим не стану! Да и без кубышки не стал бы…

— Мы пойдем откапывать клад?! — Рахима захлопала в ладоши.

— Пойдем, только добраться туда теперь нелегко. В тех краях опять появились шайки разбойников, и еще…

— И что еще? — встревоженным голосом спросила Рахима.

Конан замялся.

— И еще рассказывают о какой-то мертвой старухе, оживленной волшебством, которая

нападает на путников. Я сразу вспомнил…

— Ту, что была в башне? Я помню смутно… Меня чем-то опоили…

— Да, там лежала явно мертвая, но дергающаяся в судорогах старуха… Думаю, это она…

— Но ты же ее не боишься, Конан? Ты же ничего не боишься?

— Колдовства, — сказал варвар, — боятся все. Но мы все равно поедем.

* * *

На рассвете следующего дня два всадника — северянин на огромном коне и закутанная в плащ девушка на быстроногом пегом скакуне — выехали из Шадизара в направлении Карпашских гор.

— Я боюсь, Конан, я боюсь старухи, — сказала Рахима

— Днем мы можем ее не бояться: нежить охотится ночью.

— Тогда я боюсь разбойников! Ты сам говорил, что в предгорьях от них нет проходу!

— Страх отнимает силы, — Конан привстал на стременах и огляделся, — постарайся не бояться.

— А я боюсь! Любимый, давай вернемся и будем лучше нищими!

— Нет, — проворчал Конан, — нищим я быть не согласен…

— Конан, — продолжала девушка, — а ты слышишь, как будто за нами кто-то едет? Стук копыт… Я часто его слышу…

Всадники остановились. Конан прислушался. Время шло… Нет, только испуганное дыхание его спутницы… Хотя… что-то издали донеслось… Нет, скорее всего, почудилось.

— Даже если кто-то и едет, что с того?

— Это за нами, — прошептала девушка, — я знаю… это за нами…

— Поспешим, нам нужно к закату достичь холмов, я там помню хорошую пещеру для ночевки. — И Конан пустил коня в галоп.

* * *

Тишина окутывала Рахиму мягким, тяжелым пологом. Но иногда из глубины пещеры ей чудились голоса. Да только ли чудились? Конану хорошо — он положил меч у правой руки, левой обнял ее и мгновенно заснул. Конечно, спит он чутко, но вдруг не успеет проснуться, когда их окружат те, чьи голоса доносятся из темноты?

Нечего сказать — хорошая пещера для ночевки! Уж лучше спать под открытым небом, видеть звезды… А тут… Давят мрачные каменные своды. Нависают, будто вот-вот обрушатся! Где-то мерно капает вода. И тишина. Мертвая, звенящая. А когда начинаешь прислушиваться — и долго, долго слушаешь тишину — из глубины пещеры доносятся голоса! Конан сказал, что не знает, как далеко простирается вглубь земли эта пещера… А значит, он не знает, кто тут может жить. А тут живут… Не может пещера быть совсем необитаемой. Кто-то тут живет, и это их голоса слышатся в тишине.

Рахима прижалась к горячему телу возлюбленного и постаралась ни о чем не думать. Он обещал, он клялся, что не прогонит ее… А кто знает — бог его, этот Кром… Как он

относиться к клятвопреступникам? Может, вполне терпимо… Завезет в такую пещеру и бросит, а тут отсиживается та самая мертвая старуха…

Из темноты донесся усиленный эхом старушечий кашель.

«Нет, нет, — думала девушка, — старуха ночью охотится… Вот она и охотится… за тобой. Нет, в пещере она отсиживается только днем, а ночью она на охоте, бродит, ищет… А зачем ей бродить, если ты сама к ней пришла! Нет, она не здесь, она где-то далеко, мы еще туда не доехали… Ты не можешь знать, где она… Может, она уже рядом! Может, она уже приближается к тебе шаркающей, походкой!»

Рахима уткнулась в грудь Конана. Нет, она не может быть тут… она… Шаги! Послышались тяжелые шаркающие шаги. Так ходит ее мать, там, в селении, дома… Она уже старая, и ей трудно поднимать ноги, и она ими шаркает… Все старухи шаркают ногами. Вот и эта… Почему Конан спит, как мертвый? Мертвецы… Мертвецы тебя окружают! Надо его разбудить… А вдруг, все это мне только чудится? Разбужу, а он рассердится и бросит меня тут, на съедение страшной мертвой старухе — той, которая сейчас приближается к ним в темноте, шаркая ногами.

Шаги. Ближе. Уже гораздо ближе! Сейчас, вот сейчас она выйдет на лунный свет — уж лучше бы луна и не заглядывала в пещеру — и подойдет, вытягивая руки и глядя мертвыми тусклыми глазами. Да, именно так — ее неподвижные, подернутые пеленой смерти глаза — вперятся в меня, и я не смогу ни закричать, ни пошевелиться… Уже не могу! Уже. Я могу только смотреть и ждать…

* * *

Рассвет застал Конана и Рахиму уже в пути. Недовольно щурясь на яркий солнечный свет, девушка со смехом рассказывала возлюбленному о своих ночных страхах.

Вопреки ожиданиям, Конан не смеялся. Нахмурившись, он буркнул:

— Почему ты не разбудила меня?

— Но… я боялась… Ты стал бы смеяться…

Конан внимательно посмотрел на девушку.

— Я не стал бы смеяться. Следующий раз, если что-то услышишь, буди меня!

Рахима внезапно почувствовала озноб. Почему он так пристально на нее посмотрел? Может, она ему уже давно надоела? По телу прошла волна холода, и девушка плотнее закуталась в плащ.

* * *

И вот теперь Грумми, подавая хозяину чаши с порошками и стараясь не смотреть на светящиеся линии, вспоминал о том, как попал он к Вариосу. Уже два месяца служит он колдуну, и два месяца рыщет где-то его мать. Он слышал по ночам, как воет она у башни, как царапает окованные железом дубовые двери… Нет, не сможет он покинуть эту мрачную башню, даже и по истечении оговоренного срока. Если только… если только кто-нибудь не убьет этого страшного монстра… его мать, которая живет теперь ужасной, неестественной жизнью.

А по округе ходят рассказы о нападениях какой-то мертвой старухи, высасывающей кровь. Правда, некоторые рассказывали, что кровь пьет не старуха, а некий молодой пастух, бесследно исчезнувший… Другие говорили, о двух братьях, бывших раньше охранниками, но отставшими от каравана…

Как-то Вариос сказал странную фразу, которую Грумми запомнил, хотя и не сразу понял ее смысл. Волшебник почти не выходил из башни, но всегда знал, что творится в округе. И он сказал… Он сказал… «Тараканы начинают плодиться». Потом ушел наверх и долго не появлялся.

По настоящему задумался Грумми над смыслом сказанного, услышав однажды, как вторит высокому вою старухи более хриплый голос, потом еще один… и еще.

Как всегда вечером, перед сном, Грумми обходил башню. Проверил, закрыты ли двери. Попробовал решетки на окнах. Посмотрел, закрыта ли дверь в подземелье. Под башней, по словам хозяина, находилось обширное подземелье, в которое даже он, хозяин, никогда не ходил. Точнее, спускался только один раз — обследовать… Одного раза и хватило. На лице хозяина было странное выражение, когда он рассказывал о подземелье. Будто вспомнился ему давний, полузабытый страх. Пережитый и надежно запрятанный в глубинах памяти ужас, который внезапно вырвался и вновь овладел слабой человеческой душой.

Да, хозяин увидел в подземелье что-то страшное. Не зря повесил на дверь огромный замок, а саму дверь оковал железом и скрепил самыми сильными заклятиями. Самыми сильными из всех, которые знал. Но даже и при этом он заставлял Грумми каждый вечер проверять замок. Грумми подходил к двери, осматривал замок, прислушивался. Ни звука не доносилось из-за двери. Только однажды ему послышался чей-то хрип. Казалось, с той стороны кто-то стоит и тоже прислушивается, принюхивается, ждет, поскуливает от нетерпения…

С ужасом поспешил Грумми отойти от двери.

Потом он опять пытался расспросить хозяина. Вариос отвечал неохотно. Грумми только узнал, что подземелье было выкопано задолго до постройки башни. Хозяин построил башню на каком-то старом фундаменте. И что за здание стояло на нем раньше — никто не знает.

— Твоя задача, — сказал колдун, тяжело глянув на слугу, — проверять замок! И если заметишь, что он висит как-то не так, в другом положении, сразу позвать меня! И не слишком прислушиваться!

С тех пор Грумми не прислушивался у той двери. Но зато часто стоял у другой — у входной двери в башню, которую снабдили новым засовом — и слушал вой существа, бывшего когда-то его матерью.

И однажды он услышал, что мать уже явно не одна бродит в окрестностях башни. Были и другие. Такие же. А, может и страшнее. Тогда и понял Грумми, что имел в виду Вариос, когда говорил: «Тараканы начинают плодиться». И это понимание наполнило сердце бывшего камнетеса безысходностью и ужасом от содеянного им однажды черного дела.

А потом Вариос сказал:

— Я видел, они роют землю к востоку от башни. Они знают про подземелье. Чувствуют его. Чувствуют тех, кто там закрыт. И хотят выпустить. Или хотят с их помощью добраться до нас. В любом случае, мы в опасности. Придется пойти на крайние меры.

И вот — эта пылающая пентаграмма. И голоса, предвещающие появление одного из самых страшных демонов… Но если не заставить его уничтожить нежить, которая развелась в округе… Правда, вызывать демона не менее опасно…

И опять читал заклинания Вариос, и на сей раз голос его дрожал от страха. И страшными, непроизносимыми были слова, которые затягивались внутрь светящегося колдовского чертежа. И тяжело дышал колдун, и дрожали руки у его слуги, когда он подавал очередную чашу…

Наконец, Вариос проскрежетал последнее слово самого длинного заклинания, и заклубилось в башне облако. Не посмели и хозяин, и слуга взглянуть туда, где проступало сквозь дым лицо существа, явившегося на их зов. А если бы осмелились глянуть на тот страшный лик, то не вынесли бы этого зрелища их слабые души и отправились на вечное мучение туда, где правит этот ужасный демон.

— О чем ты просишь? — донесся гулкий, как эхо горного обвала, голос.

— Очисти землю от той, кого мы породили, и от ее последышей — от всех, кого она превратила в упырей! Забери их к себе!

— Какова будет твоя плата? Что сможешь ты дать за это?

— Все, что захочешь… — прошептал колдун.

— Хорошо. Я выполню твою просьбу. А плату потребую позже.

Крупная дрожь била Вариоса, когда он ответил:

— Да будет так.

И вой, доносившийся из-за дверей башни, исчез, будто невидимая рука разом заткнула все смрадные глотки.

— Теперь, — прохрипел Вариос, — мы можем спокойно выходить из башни…

— Я так соскучился по солнцу, — тихо сказал Грумми, — но… плата? Какую он потребует плату? И когда?

— Молчи! — зашипел колдун. — Молчи! Никогда не говори об этом! Никогда. Не смей напоминать мне…

* * *

Конан и Рахима скакали среди зеленых холмов. Карпашские горы, высившиеся на горизонте подобно облакам, поражали величественной красотой. Тревожили душу устремленными к небесам белоснежными пиками, манили таинственностью и недоступностью, как манит простого воина красавица, мелькнувшая в окне дворца его повелителя.

Предгорья кишели бандитами. Конан выбирал еле заметные тропинки вдалеке от дорог, а часто и вовсе направлял коня в распадки между холмами, где не было даже тропинок. Рахима притихла и только плотнее куталась в плащ, стараясь закрыть не только тело, но и лицо.

— Ты замерзла? — удивился Конан.

— Да, меня знобит…

— В такой жаркий день? Ты не заболела?

— Может быть…

— Теперь придется скакать без остановок. Уже недалеко развалины замка Кушуха…

— Кто это? — безразлично спросила девушка.

Конан был рад отвлечь ее от болезни. Долго и подробно он рассказывал, как встретил здоровяка Кушуха, на которого было наложено заклятие, как они поехали искать исчезающий

замок… И умолк, только тогда, когда заметил, что Рахима его не слушает.

— Ты все еще боишься старухи?

— Старухи больше нет — чужим голосом сказала девушка, — из этого мира она исчезла…

Конан встревожился. У нее лихорадка. Похоже, начинается бред. Она уже нетвердо сидит на лошади. Нужно останавливаться на ночлег…

Остановиться пришлось под открытым небом. Рахима, закутавшись в плащ, впала в забытье. Конан, пустив пастись лошадей, мрачно сидел рядом. Впереди еще два дня пути. Девушка, судя по всему, серьезно больна. Вряд ли она сможет держаться в седле. Кром!.. Придется остановиться на несколько дней. Добыть какую-нибудь дичь… Поить ее мясным бульоном… И ждать выздоровления.

Всю ночь Рахима стонала и бредила. Выкрикивала непонятные слова. Пыталась бежать. Билась в судорогах. Под утро, когда больная забылась, наконец, тяжелым сном, Конан рискнул оставить ее и осмотреть окрестности. Может быть, если удастся, добыть свежее мясо…

Невдалеке виднелась башня. Та самая башня…

На сей раз Конану не пришлось вышибать дверь. Его встречал небольшого роста, остроносый человек с усталым лицом. Слуга. А в башне, куда Конан занес укутанную в плащ девушку, в ожидании стоял хозяин — человек крепкого сложения, с грубоватым лицом и умными, насмешливыми серыми глазами. Тот самый колдун. Молча указал он на лежанку. Конан бережно уложил свою спутницу, плотнее укрыл ее плащом.

— Я помню тебя, чародей.

— И я тебя, герой.

— Ты должен ей помочь, — Конан кивнул на лежащую в беспамятстве женщину, — у нее лихорадка, она бредит.

— Должен? — притворно удивился Вариос. — Должен?

— Должен, должен, — проворчал Конан, положив руку на эфес меча.

По достоинству оценив этот жест, Вариос молча, шутовски поклонился. Несколько мгновений Конан и колдун пристально смотрели друг на друга.

— А хорошо, что ты, герой, опять пришел ко мне, — наконец, мечтательно проговорил Вариос.

— Ты, помнится, говорил, что мы еще встретимся… Как ты намерен ее лечить?

— О, это не сложно, мой помощник приготовит мазь…

Колокол спустя Грумми принес откуда-то сверху чашу с дымящимся, остро пахнущим зельем.

— Твою возлюбленную необходимо натереть, пока снадобье не остыло, — усмехнулся колдун, — и делать это придется мне — только я знаю, как нужно втирать мазь.

Вариос блеснул глазами.

— Ты готов предоставить мне ее тело? — Но, заметив, как потемнело лицо северянина, пряча усмешку, добавил: — Для растирания… только для растирания!

Когда Конан кивнул, он быстрыми движениями раздел девушку и, глубоко вздохнув, стал натирать ее дрожащее тело теплой мазью, одновременно разминая и растирая мышцы. По мере того, как зелье впитывалось, больная приходила в себя. Перестала дрожать, реже стонала и даже один раз открыла глаза. Но далеко блуждала в этот момент ее душа — взгляд оставался слепым и бессмысленным.

С особым усердием растирал колдун упругие груди девушки, и только когда Конан издал недовольное ворчание, поспешно перешел на плечи и шею.

— Эй, Грумми! — крикнул Конан. — Я думаю, что хозяин твой сейчас велит собрать что-нибудь на стол и угостить гостя!

— Да, да, — прогудел Вариос, — собери, угости…

Слуга без особой спешки стал собирать все для трапезы. И тут Вариос сдавленно вскрикнул. Конан мгновенно очутился рядом.

— Ничего, ничего, — испуганно пробормотал колдун, — я просто вывернул себе палец… Ничего страшного.

Точными движениями чародей натер лоб и затылок больной, которая лежала, теперь расслабившись и, казалось, крепко спала. Бережно укутав свою спутницу и убедившись, что ей лучше, Конан сел за стол. Вино было очень даже неплохим, копченое мясо вкусным, а хлеб, хоть и грубоватого помола, но тоже вполне съедобным.

— А ты неплохо устроился, колдун, — сказал Конан, насытившись. — Кто тебе привозит вино?

— Разные люди… — уклончиво ответил Вариос. — Те, кто просит моего совета или помощи…

— А что ты посоветуешь мне? Как быть с девушкой? Скоро она поправится?

Вариос посмотрел на Конана долгим взглядом.

— Поправится, — повторил он, — обязательно поправится… Уже завтра она будет… Вполне здорова. — И легкая усмешка промелькнула в его серых глазах.

— Выкладывай, колдун, что у тебя на уме, — мрачно пробурчал варвар.

— Ничего… — Вариос улыбался слащавой улыбкой, не вязавшейся с его грубоватым лицом. — Я же сказал, что она поправится…

— Ну, добро, — перебил Конан, — посмотрим, что будет завтра.

* * *

К ночи Вариос поднялся на самый верхний — третий — этаж башни и затащил приставную лестницу. Теперь никто не мог забраться к нему, разве что сумел бы, подобно его коту, уцепиться когтями за неровные каменные стены. И все же на душе у колдуна было неспокойно. Спать он лег, прочитав несколько охранных заклинаний и поставив лежанку в центр магического круга. В течение ночи он несколько раз просыпался и подолгу прислушивался. После чего с ворчанием опускал тяжелую голову на подушку и вновь ненадолго засыпал.

Конан спал на полу, у стены. Грумми, чью лежанку заняла больная, маялся на жесткой скамейке, предварительно оттащив ее к противоположной стене башни, подальше от этого вспыльчивого варвара.

Ночью где-то наверху, в стропилах, выл ветер. Мрачно ухали совы. Почти неслышно верещали, нащупывая дорогу, летучие мыши. Урчал и мяукал кот.

Конану снился огромный паук, спускающийся на толстой нити к самому лицу. Паук долго шевелил мохнатыми лапами у губ спящего варвара, — ибо и во сне Конан видел себя спящим. Он спал и не мог пошевелиться. А паук копошился над ним, раздумывал, перебирал суставчатыми лапами, смотрел пучками мутных бельм, думал о чем-то своем, паучьем.

И вот-вот опустится ниже, вот-вот вонзит отравленное жало в незащищенную шею!.. И не может двинуться Конан, и шевелится, отвратительно копошится над ним паук, то выпуская, то втягивая страшное жало, раздумывая, бормоча что-то человеческим голосом.

Смутно сознавал северянин, что голос паука чем-то похож на голос его возлюбленной, той, которую он поклялся никогда не прогонять…

«Нет, не могу», — услышал Конан, и все исчезло. Кошмарный сон отпустил. Смог, наконец, пошевелиться варвар, повернуться на бок и заснуть спокойным, безмятежным сном.

Утром Вариос долго и удивленно разглядывал Конана. Что-то бормотал себе под нос и качал головой. Затем подошел к лавке, где спал Грумми. Слуга лежал окоченевший, изогнувшийся в предсмертной судороге. На лице застыла гримаса ужаса и боли.

— Мертв, — бросил колдун, будто и не ожидал ничего другого.

Конан мрачно глянул в бесстрастное лицо чародея. Что могло убить несчастного слугу? Вариос, конечно, ничего не расскажет, хотя, похоже, знает причину. Грумми умер в муках. Тело сведено судорогой. Что это? Яд? Но зачем колдуну убивать своего слугу? Может, он хотел отравить киммерийца?

Но Конан вспомнил, как Вариос пробовал вчера вино из каждой новой бутылки. Нет, похоже, чародей тут ни при чем. Но он знает, в чем дело.

И еще один удар ожидал северянина, — подойдя к лежанке, где спала Рахима, он увидел, что черты ее лица застыли, а взгляд полуоткрытых глаз потускнел. Его возлюбленная умерла.

Взревев, Конан бросился к колдуну. Одной рукой сгреб его за одежду и поднял, как щенка, в воздух, другой — нашаривал на поясе рукоятку кинжала.

— Остановись, Конан, — кричал Вариос, — она не умерла! Остановись, я все объясню.

— Что ты мелешь?! Я достаточно видел мертвых на своем веку! Она умерла. И, клянусь, ты ответишь за ее смерть!

— Подожди, — вдруг спокойно сказал Вариос, — разве ты не видел во сне паука? Мне он тоже снился. Спускающийся паук…

Конан отпустил чародея. Да, теперь он вспомнил — мерзкий паук копошился над ним, бормотал, но не смог вонзить в него жало.

— Рассказывай, — тяжело сказал Конан, — и не вздумай хитрить.

Вариос, поправив одежду, сел за стол, налил себе и Конану вина, выпил единым духом, собираясь с мыслями. Конан сел, но к вину не притронулся.

— Помнишь, герой, как ты спас эту девушку, когда ворвался к нам во время ритуала?

Конан кивнул.

— Так вот: ритуал, благодаря тебе, не был завершен, и мы получили…

— Что это был за ритуал? — перебил Конан.

— Ритуал оживления мертвого тела, — ровным голосом продолжал колдун. — Я оживлял мать Грумми, по его просьбе…

— Дальше.

— А дальше полагалось принести жертву, но ты помешал, и мать… — Вариос замялся, — … мать Грумми ожила, но вместе с тем, осталась мертвой. Стала чудовищем! Вдобавок ко всему, попробовала крови сына… Она бродила в окрестностях, нападала на путников и высасывала кровь.

— Где она теперь? — спросил Конан.

— Она стала слишком опасна, и я… мне пришлось… ну, словом, ценой невероятных усилий я сумел убрать ее из этого мира. Но, очевидно, перед тем, она успела повстречать

твою девушку.

— Когда? — недоуменно спросил Конан. — Я всегда был с ней рядом!

— Ты мог и не заметить, герой. Она, вероятно, пришла, ночью, во время сна…

Конан потер лоб. Да, кажется Рахима, после ночи в пещере, рассказывала про какие-то ужасы, чудившиеся ей в темноте…

— Так ты поэтому вскрикнул?! Ты увидел на ней…

— Да. Следы укуса.

— Почему ты мне не сказал, колдун? — гневно произнес северянин. — Ты хотел…

— Да, — спокойно ответил Вариос, — я хотел, чтобы она укусила тебя. Ведь это ты во всем виноват! Но она не смогла… Очевидно, очень сильно любила… любит тебя.

— Как может любить труп? — воскликнул Конан. — Ведь она теперь мертва!

— И да, и нет. Она живет теперь другой жизнью, и мы не должны позволить ей пить кровь. Иначе, через короткий промежуток времени, этих тварей тут будет, как тараканов.

— Что же нужно делать?

— Нужно надежно запереть их.

— Их? Кого?.. Ах да, еще твой слуга…

— Да, бедный Грумми… Под этой башней есть подземелье — туда нужно отнести мертвецов. Оттуда им не будет ходу… Только тогда мы будем уверены, что они не причинят никому вреда.

— Хорошо, открывай свои подвалы, колдун…

Конан долго смотрел в лицо возлюбленной. Бедная девушка! Он, Конан, спас ее от смерти, а в результате ей оказалось уготована худшая доля. Там, во мраке подземелья будет бродить она, снедаемая вечной жаждой, мучаясь и, возможно, проклиная своего спасителя. Как хотела она, как просила, чтобы он ее не бросал… И вот теперь… Ну, теперь, он свободен от клятвы. Она умерла, будем считать, что она умерла. Кром это видит. Oh не осудит. Просто она будет похоронена не в могиле, а в подземелье.

Тяжело вздохнув, Конан поднял на руки легкое тело Рахимы и шагнул в темноту, нащупывая ногами ступеньки. Вариос зажег факел, висевший на стене за дверью. Стало светлее, и варвар увидел уходящую в темноту лестницу. Из глубины пахнуло сыростью. Прижимая к себе холодное тело девушки, Конан осторожно спускался по ступеням. Тянуло запахами гнили, разложения, тления.

— Положи ее на площадке и возвращайся за Грумми! — крикнул Вариос.

— А своего слугу, — Конан оглянулся, — ты отнесешь сам, колдун!

— Хорошо. — Чародей взвалил окоченевшее тело Грумми на плечи, немного помедлил, о чем-то раздумывая, затем шагнул на ступени.

Почувствовав под ногами ровную поверхность, Конан осторожно положил тело девушки на пол. Свет факела метался далеко наверху. Тут, внизу — темнота, могильная сырость и запахи. Может, колдун попросту сваливал сюда трупы? Если бы удалось принести в жертву девушку — стал бы он ее хоронить? Скорее всего — бросил бы в подземелье. Жаль, что факел остался наверху, возможно, тут навалены горы трупов…

Конан провел ладонью по лицу девушки, ощутив ледяной холод. Что теперь? Нужно ли ее как-то похоронить? Может, тут есть старые склепы? Странно складывается жизнь — он спас Рахиму от смерти, но обрек на вечное замогильное бдение в сыром подземелье… Где там колдун со своим слугой?!

С рычанием Конан бросился наверх. Не будь он так угнетен смертью девушки, он бы

понял раньше!.. Он бы сообразил!..

Почти у самых дверей — у закрытых дверей! — лежало сведенное судорогой, окоченевшее тело Грумми.

Кром! Второй раз за последнее время он попал в ловушку! Неужели коварство Кушуха ничему его не научило?!

В бешенстве Конан обрушил тяжелый кулак на окованную железом дверь. Если бы она открывалась в другую сторону!.. Он вышиб бы любой запор!

Но тяжелая дверь могла распахнуться только внутрь, а с этой стороны не было даже ручки. Хорошая, крепкая, надежная дверь… Сделана на совесть и, вероятно, с учетом того, что ее будут пытаться открыть изнутри.

Проклятье!

Конан еще раз гулко впечатал кулак в толстые листы железа, надежно предохранявшие дерево даже от ударов меча.

— Это бесполезно, герой, — раздался спокойный голос колдуна, — тебе придется познакомиться с обитателями подземелья. Да помогут тебе боги.

* * *

Больше всего злился Конан на самого себя. Как можно было настолько забыться?! Как можно было довериться колдуну?!

Оставалось надеяться, что эта ловушка все же не столь совершенна, как та, в которую заманил его недавно Кушух в подземных лабиринтах Исчезающего замка.

Взяв факел, Конан вновь направился вниз, намереваясь обследовать подземелье. Факел, по счастью, светил в полную силу.

Пройдя мимо мертвого тела Грумми, он остановился. Что-то было не так! Что-то изменилось… Труп слуги… Его поза… Прежде мертвец, скорчившись, лежал на боку.

Конан вернулся и поднес факел. Несомненно, поза мертвеца изменилась. Теперь он, вытянувшись, лежал на спине.

Полуоткрытые глаза поблескивали белками. И выражение лица… Утром в лице слуги читалось страдание. Теперь, скорее, безмятежность… Казалось, даже легкая улыбка тронула мертвые губы Грумми. Конан наклонился, вглядываясь в лицо мертвеца. Опять изменение… Теперь, похоже, злорадная усмешка, как у его хозяина…

Может, процессы разложения заставили сведенные судорогой мышцы расслабиться? А выражение… При свете факела трудно быть уверенным…

Но почему так не хочется поворачиваться к нему спиной? Кажется, что он смотрит, ждет…

Стоит отвернуться… и — что тогда? Прыгнет на спину?

Сжав челюсти, Конан заставил себя повернуться и продолжить спуск. Позади было тихо. Нет, кажется, послышался какой-то звук… Звук когтей, скребущих по камню… Не останавливаться! Факел не может гореть вечно, а нужно осмотреть подземелье и найти выход!.. Теперь, будто кто-то тихо спускается следом… Или это эхо его шагов?

Что имел в виду колдун, сказав про обитателей подземелья, с которыми ему придется познакомиться? Вряд ли — крыс, которых тут, конечно, множество. Нет, чародей говорил о других обитателях…

В душе любого, даже самого отважного человека, найдется место страху. Смелый тоже боится. Может, чуть меньше, чем тот, кто рожден трусом… Главное — храбрец может преодолеть страх, а трус — нет.

«Смелый, — размышлял Конан, шагая по ступенькам, — может подавить страх, загнать его вглубь, запереть, не позволить ему овладеть своей душой. Страх, конечно, будет время от времени выползать — холодной, длинной змеей леденить сердце, шевелить волосы, заставлять цепенеть мышцы…»

Конан достиг конца лестницы. Что-то и тут изменилось… Где?.. О, Кром! Где его Рахима?! Где тело Рахимы?! Где *мертвое тело* девушки? Утащили? Значит, действительно тут… А почему — утащили? Конан перевел дыхание. А что, если она *сама ушла?* Но это… что? Невозможно? В этом мире нет ничего невозможного! Тем более тут, в подземелье, над которым высится мрачная башня колдуна! Чародей говорил о старухе, о нечисти, которую она наплодила…

Медленно, стараясь не производить лишнего шума, Конан обнажил меч. Если придется… Если придется, он разрубит даже свою любимую! Нет, *мертвое тело* своей любимой. Ибо это будет уже не она. Это будет монстр, ужасная нежить, которая не должна осквернять землю! Но ведь… ведь она не стала — не смогла его укусить… она его любила. Любила, даже став чудовищем…

Вдалеке, где-то в самых глубинах подземелья раздался далекий вой. Он был похож на волчий, но все же другой. Выл не волк. Выл… человек? Не человек, конечно, уже не человек… Но как же велико это подземелье!

Конан поднял факел. Прямо и направо — коридоры, выложенные неровным, сочащимся влагой камнем. Еще один, с земляными стенками, как большая нора, темнел слева. И опять лестница. Конечно же — вниз. Именно оттуда, кажется, и доносился вой.

Куда идти? Вниз? Уничтожить того, кто воет, пока он не напал сзади в темноте? Конан глянул на факел. Насколько его хватит? Нужно искать выход, а внизу его вряд ли найдешь…

Решительным шагом северянин направился в тоннель, напоминающий нору. Язычки пламени факела отклонились. Похоже, где-то поступает воздух…

С земляного свода свисали причудливые корни, извивались в неверном свете факела, метались черными тенями, норовили вцепиться в волосы.

Позади вновь послышался далекий вой. Еще один — более хриплый… Это уже впереди… Его окружают? Да, похоже, его окружают те самые твари, о которых говорил колдун.

Конан взял меч наизготовку и спокойно пошел вперед. Тоннель достаточно широк для замаха… Страха уже не было. Страх остался там, где лежит, готовясь к неестественному пробуждению, тело Грумми, где лежала Рахима. С кем он встретится сейчас? Это не так уж важно: меч разрубит и живого, и мертвого.

Вой теперь доносился, казалось, со всех сторон. Конан не останавливаясь, шагал по тоннелю. Темнота, напуганная светом факела, нехотя расступалась перед ним, и тут же стремительно смыкалась позади. Корни теперь уже явственно шевелились — от них приходилось уворачиваться, как от цепких, корявых пальцев — жадных, норовящих вцепиться в горло.

Неровные стены тоннеля бугрились вздутиями, похожими на созревшие нарывы… Вот-вот лопнут, источая гной, и выбросят в мир… что? Очередного монстра? Очередное сосущее кровь чудовище?

С тревогой заметил Конан, что тоннель сужается. Теперь уже не только с потолка свешивались живые корни — и с боков тянулись их мерзкие лапы-щупальца, готовые в любую минуту вцепиться в руку, в бок — разорвать, углубиться в мягкую, сочащуюся кровью плоть.

Если тоннель слишком сузится… Конан несколько раз взмахнул мечом. Пока еще места достаточно. Но вот дальше… Многоголосый вой катился лавиной.

Внезапно сбоку открылась темная дыра. Не тоннель — просто лаз, не более полутора метров высотой. Посмотреть, что там… Или кто там…

Согнувшись, Конан осветил внутреннюю полость — небольшую пещеру. Достаточно объемную, чтобы размахнуться. Если встать немного сбоку от входа — можно спокойно перерубать надвое каждого, кто сунется!

Скользнув в пещеру, Конан воткнул в стену факел. Выбрал позицию. Теперь он был готов. Вой приближался. Высокие, вибрирующие голоса. С яростным хрипом. С присвистом, с шипением.

Конан застыл в ожидании. Приближение неведомой опасности и вынужденное ожидание, когда секунды превращаются в минуты, минуты — в часы, а часы — в вечность… Впрочем, вряд ли ему придется столько ждать.

Теперь можно было расслышать, что к вою примешиваются другие звуки — стоны, выкрики. Человеческая речь из пасти чудовища?

Казалось, будто стая волков, царапая когтями земляной пол, промчалась мимо. Звуки удалялись. Конан позволил себе немного расслабиться. Не почуяли? Проскочили мимо? Вряд ли это надолго. Скоро они поймут, что сбились со следа. И вернутся. Интересно, как они выглядят? Как волки? Скорее, топот этой воющей и визжащей стаи напоминал топот своры собак. Волки так не шумят…

В отверстие одним движением проскользнуло существо и остановилось, ослепленное светом факела.

— О боги! Рахима! — воскликнул Конан. — Что с тобой стало?!

Существо не дышало. Обнаженное, посиневшее тело, принадлежащее когда-то его возлюбленной, застыло в абсолютной неподвижности. Темные пятна тления на груди, животе и, что самое неприятное, на лице. Впрочем, лицом это назвать уже нельзя. Глаза — прекрасные глаза Рахимы — налились кровью и злобой, нижние веки обвисли, открывая полости, полные гноя, рот в жутком оскале обнажил неимоверно удлинившиеся зубы.

Существо зашипело и приготовилось к прыжку.

— Рахима! Ты меня узнаешь? — ласково говорил воин. — Это же я, Конан, тот, которого ты любила! Разве ты меня не помнишь?

Варвар-киммериец представлял собой идеальную боевую машину. Губы его шептали успокаивающие слова, а тело, независимо от этого, готовилось к бою. До предела обострилось восприятие, мышцы приготовились к резкой, взрывной нагрузке, и сосредоточенность на предстоящей схватке стала абсолютной. Сейчас Конан был не менее быстр и не менее опасен, чем застывшее перед ним страшное существо, не принадлежащее более к этому миру.

Тварь метнулась вправо-влево и прыгнула.

Невероятно быстрые, неуловимые глазом движения! Конана спасли рефлексы воина и первобытное чутье варвара. Казалось, сами боги направили удар его меча… Разрубленная до пояса мертвая женщина, с ненавистью глядя в глаза бывшего возлюбленного, умирала

вторично…

Вновь раздался вой стаи. Они возвращались. Конан встал, как и намечал, немного в стороне от входа. Тварь — на сей раз, действительно похожая на животное — с воем скользнула в пещеру. Еще один точный удар — и разрубленное пополам чудовище издыхает, разбрызгивая черную кровь.

Вторая тварь — еще удар. Третья, четвертая, седьмая, десятая… Последним был Грумми. Изменившийся, но пока еще похожий на человека…

Тринадцать волкообразных тварей насчитал воин. И еще два монстра — Рахима и Грумми… Грустно стоял Конан над останками своей возлюбленной. Но все же… все же — это лучше, чем превратиться в…

Теперь можно было рассмотреть этих похожих на волков чудовищ. Покрытые шерстью тела, но лапы мощнее и сильнее… а головы… не человеческие, конечно, но… Все они раньше были людьми. Какие-то следы человеческих черт на оскаленных мордах… Возможно, именно такой стала бы его Рахима… Меч освободил ее от этой участи.

Убедившись, что монстры издохли, Конан пробрался к выходу.

Тоннель… Он действительно сужался… Но, почувствовав однажды свежее дуновение, воин поднял голову и увидел луну и звезды. Кто-то сверху прорыл длинный, пологий лаз…

К удивлению Конана, двери башни были распахнуты. Обнажив меч, он осторожно вошел внутрь. На стенах горели факелы. Черный кот ласково потерся о его ноги…

Вложив меч в ножны, Конан долго смотрел на слегка раскачивающегося на длинной веревке человека. И хотя лицо его посинело и вздулось, а почерневший язык вывалился изо рта, в нем еще можно было узнать колдуна Вариоса.

А под ним, пульсируя, как насыщающаяся пиявка, горела голубоватым светом демоническая пентаграмма с зажженными по углам ароматными свечами.

Ник Харрис

Последний из племени Вармина

Огромное заходящее солнце печально прощалось с раскаленной землей. Отбрасывая причудливые колдовские тени, по пыльной дороге неторопливо двигались два всадника. Один из них, высокий широкоплечий воин — владелец породистого вороного жеребца — привстал на стременах и огляделся.

— Теперь уже недалеко, — негромко сказал он спутнику — человеку маленького роста, скорее даже карлику, неуклюже сидевшему в седле небольшой пегой кобылы.

Карлик вытянул длинный крючковатый нос, украшенный двумя большими бородавками.

— Ах, Конан, если бы ты осмотрел верхние ярусы башни… А теперь *она,* скорее всего, исчезла…

— Вряд ли кто-нибудь станет копаться в логове повесившегося колдуна, — проворчал воин. — Если она у него была, значит, там и лежит.

— Хорошо бы… — Карлик вздохнул, почесал аккуратную, любовно подстриженную бородку и тронул пятками кобылу. — Поспешим: скоро стемнеет, а приехать в те края ночью…

— Там никого нет! — перебил Конан. — Старуху уничтожил сам колдун, а я перебил тех, что сидели в подземелье! Я же тебе рассказывал!

— А ты уверен, что перебил всех? — настороженно спросил карлик.

— Можешь спуститься и проверить сам.

— Да уж, наверное, придется спуститься. Я думаю, что подземелье, над которым стоял храм, построенный самим Варминой, где-то обязательно соединяется с его царством. Ах, какой это был храм, — продолжал карлик мечтательно, — какие фрески, какие самоцветы украшали алтарь! Все разграблено, разрушено… И в довершении всего, на развалинах колдун воздвиг свою мерзкую башню!

— Подожди, Хепат, ты же говорил, что тебе нужна только книга? — Конан недовольно глянул на спутника. — Теперь ты собираешься спускаться в подземелье!

— Книга в первую очередь, — кивнул карлик, — но разве тебе не хочется отыскать вход в древнее царство гномов? В царство, где лежат и ждут нового хозяина сундуки с драгоценными каменьями? Где из золота лили кружки для воды и вина?

Конан крякнул. Посмотрел на солнце. Почесал за ушами коня, нетерпеливо переступавшего копытами.

— Конечно… сокровища, это хорошо. Но у меня в одном месте тоже припрятан горшок с алмазами — может, мне лучше откопать его, а не гоняться за призрачными сундуками?

— Ты не веришь? Ты не веришь последнему гному из клана великого Вармина?! — Хепат гордо выпрямился и чуть не выпал из седла.

— Хуже лошади может быть только корабль, — пробормотал он и продолжил:

— Конан, я видел эти сокровища. Мне они не нужны. Мне нужна книга и еще одна вещь — она лежит в самом сердце старинного царства гномов… Если ты будешь моим спутником и защитником… все сокровища…

— Ладно, я же поехал с тобой! О чем тут еще говорить?!

— Конечно, я очень рад… И если мы спустимся в подземелье и отыщем вход в древнее царство…

Конан промолчал. Хепат неуверенно продолжал:

— Вначале мы отыщем книгу… Она даст мне силу…

— Колдовскую силу, — мрачно уточнил Конан.

— Колдуны бывают разные… Я уверен, что никогда не стану злым…

* * *

Через пару колоколов жара спала, повеяло прохладой. Лошади, чувствуя скорый отдых, бежали резво. Тем не менее, к башне приятели подъехали уже в сумерках. Спешившись и посмотрев, как Хепат ерзает в седле, примериваясь и в то же время, опасаясь спрыгнуть, Конан взял его за шиворот, снял с лошади и поставил на землю. Гном встряхнулся и как будто хотел что-то сказать, но, глянув на темный силуэт башни, передумал. Точнее, сказал, но совсем не то, что хотел:

— Конан, неприкаянная душа колдуна может все еще обитать в башне…

Посмотрев на редеющие волосы на макушке гнома, варвар пробурчал:

— Страшновато? Но ты же хочешь стать колдуном?! Привыкай!

— Я не собираюсь иметь дело с демонами и духами! — с негодованием ответил гном, запрокинув голову и силясь разглядеть в сумерках лицо товарища.

Далекий, заунывный вой донесся со стороны башни. Челюсти Хепата громко лязгнули.

— Те, в подземелье, тоже выли… но вроде по-другому… — Конан в раздумье поскреб гладко выбритый подбородок. — Скорее всего, это просто волки.

Однако гном заметил, что рука его товарища опустилась на рукоять меча.

— Я думаю, лошадей нужно завести в башню.

— Да, конечно, — согласился гном, — если только они пойдут…

— Пойдут, если не хотят, чтобы их сожрали волки.

— Да, да… если это волки…

Конан вздохнул, вручил Хепату два повода, обнажил огромный обоюдоострый меч и решительно двинулся к дверям. Гном торопился следом, отчаянно дергая уздечки. Вой повторился. На сей раз, гораздо ближе. Пегая кобыла испуганно заржала. Хепат зашипел на нее, как разъяренный кот, и с утроенной силой потащил коней к распахнутым дверям мрачной башни. Пахнуло сыростью. Гном, упираясь, изо всех сил тянул лошадей. Кобыла опять заржала, и, будто в ответ, многоголосый вой донесся из-за башни.

Совсем рядом! Где же Конан? Почему он не поможет?! Хепат чуть не плакал от отчаяния. Сейчас выскочит стая и набросится сначала на коней, потом на него, или нет — сначала на него, Хепата, а уж потом на коней!

Сильная рука вырвала у него уздечки, и через пару мгновений и кони, и гном очутились внутри башни. Затхлая темнота накрыла Хепата будто одеялом.

— Не могу найти факел, — пробормотал Конан, — должно быть, он с другой стороны…

«Ну, темнотой-то гнома не испугать», — с облегчением думал Хепат.

Он стоял у самых дверей, поглаживая массивный запор и прислушиваясь к далекому теперь вою. Очевидно, стая устремилась на поиски новой добычи. Хепат сосредоточился и, как умеют делать все гномы, расширил зрачки. Темнота отступила. В сером сумраке он увидел вслепую шарящего по стене Конана, нервно переступающих копытами коней и большой, квадратный стол в обрамлении четырех массивных скамеек. И… длинную фигуру поверившегося колдуна. В страхе Хепат зажмурился и тут же проклял себя за это проявление

трусости.

Он никогда не отличался храбростью, как его старшие братья. Он был — да! — немного трусоват, но, зато, пока его браться становились доблестными воинами, он многое изучил и многое узнал. Братья, конечно, над ним смеялись — но где они теперь? Где его смелые братья? Сгинули. Погибли в неравном бою, потому что в их понятии отступить — значит струсить! А он, Хепат, отступил и остался жив. Жаль, что братья его не послушали. В той битве погибли последние гномы из клана Вармина.

Когда-то царство великого Вармина процветало, хоть никогда не было большим. Правитель предпочитал жить обособленно. Может быть, поэтому численность клана постепенно уменьшалась, дети часто умирали или рождались уродами; их бросали в бездонную расщелину, из которой тянуло гарью и серой. Этот провал в недра земли в плохие годы, когда слишком многие табу нарушались, сердился и изрыгал пламя, в котором однажды, не успев убежать, сгорели десять достойных гномов. А в битве с дикарями, забравшимися случайно в одну из пещер, погибли последние отпрыски клана Вармина.

Хотя, нет — последний, он, Хепат, все еще жив и собирается вернуться в старое царство. Хоть ненадолго, но вернуться. А для этого надо найти иной путь, ибо тот, которым он пользовался с братьями, теперь недоступен. Кровожадные дикари с лицами на груди и невероятно длинными руками, захватили несколько пещер. Хорошо, что Хепат успел нажать на потайной рычаг и навсегда завалить проход, ведущий в основные пещеры царства Вармина. Тогда трусость помогла ему спасти от разграбления древнее царство. Вот только, не рано ли нажал он на рычаг? Может, братья были еще живы? Может, они согласились бы отступить? Нет, не согласились бы… А дикари могли ворваться в любой момент… Он поступил правильно. И, тем не менее, постоянное чувство вины мешало ему жить, преследовало по ночам тягостными снами, в которых он, раз за разом, оставлял братьев на растерзание дикарям. Но все-таки тогда его трусость помогла перекрыть проход в царство Вармина.

А вот теперь трусость сослужила ему плохую службу. Испугавшись мертвеца, он зажмурился, да так крепко, что перед глазами поплыли красные и желтые круги. И зрачки, конечно, вернулись в первоначальное положение. Теперь его вновь окружала вязкая темнота. И вновь навалились запахи — сырости, плесени и тления. И он стоял жалкий и несчастный, вспоминая жуткий раскачивающийся силуэт на веревке. А почему он раскачивался? Сквозняка в башне вроде не было! А труп колдуна — это он видел ясно — медленно качался, будто… будто…

Хепат вспомнил, как он, еще совсем мальчишкой качался с братьями на качелях. Братья показали, как можно раскачиваться без посторонней помощи — раньше его, самого маленького, всегда подталкивал кто-то из старших. Раскачиваться оказалось очень просто. Надо было ритмично откидываться назад, а затем подаваться вперед.

Вперед-назад. И можно развлекаться самому. Как этот страшный труп колдуна… Ему скучно висеть тут одному… вот он, и развлекается… Скучно одному… А теперь он и не один… Хепат представил, как растянутся в ухмылке застывшие мертвые губы колдуна, как радостно вдруг блеснут тусклые глаза, как исчезнет в них смертная пелена и пробудится отвратительная, противоестественная жизнь…

Что же Конан никак не может найти факел? И почему так тихо? Даже лошади перестали бить копытами, и кажется, к чему-то прислушиваются… Может, надо крикнуть? Спросить Конана, почему он так долго ищет факел? Но он рассердится, этот вспыльчивый варвар. Чего

доброго, еще скажет — иди, ищи сам. И что тогда? Искать факел? Шарить в темноте, опасаясь наткнуться на холодное тело висельника? Хотя, нет… он же висит в центре… Если не слез… Может, он уже слез с веревки и теперь в темноте приближается к нему, бедному гному… И кто знает, как скоро его иссохшие, холодные руки схватят, вопьются, вонзят отросшие когти…

Раздался частый дробный стук. Кто это стучит?! Будто кто-то чужой — чуждый этому миру и этой жизни, ненавидящий саму жизнь, пытается войти, пробраться внутрь… Хотя… он же и так — внутри… Зачем, зачем он стучит?.. Может быть… да, стук похож… будто стучат костью о кость…

Вспыхнул факел, и Хепат понял, что это за дробный стук костей раздавался в темноте — это стучали его собственные зубы. Со стыдом, от которого кровь бросилась в лицо, гном понял, что от испуга начал выбивать зубами джигу. Слышал ли Конан? Он, будет смеяться…

Впрочем, гном тут же забыл обо всем, впившись взглядом в мертвеца. Перед ним, вытянувшись, висела мумия. Труп высох, съежился, и совсем не раскачивался. Застыл в выжидании. Вывалившийся язык его походил на птичью лапу, глаза запали так, что было непонятно — то ли они просто высохли, то ли их выели черви или выклевали птицы. А могут ли птицы осмелиться на такое — выклевать глаза колдуну?

Наверху гулко заухала сова, и Хепат подпрыгнул от неожиданности. Наверное, могут… Но эта сова… Она охраняла труп хозяина… Нет, глаза у него на месте… Пройдет немного времени, и он, Хепат, в этом убедится… Тяжело дыша, гном вдруг понял — вскоре ему предстоит встретиться взглядом с колдуном… С мертвым колдуном.

Конан зажег еще один факел.

— Похоже, нам придется остаться тут на ночлег. Где-то в окрестностях рыщет волчья стая!

— Остаться… здесь?.. — пролепетал гном. — А как же… а я думал, мы возьмем книгу и…

— И двинемся ночью? Чтобы попасть волкам на ужин?! — Конан осмотрел запор на двери, усмехнулся, очевидно, что-то вспомнив, затем подошел к другой двери — закрывающей вход в подземелье. Долго стоял, нахмурившись. Потрогал массивный замок. Ничего не сказав, вернулся. Сел за стол.

Оробевший Хепат стоял рядом. Лошади опять стали бить копытами. Кобыла тонко заржала, будто на что-то жаловалась. Ночевать с мумией? Да еще в башне, где мечется, не зная покоя, черная душа колдуна?!

— Не бойся, старина, — в синих глазах Конана гном заметил сочувствие, — мы поспим наверху, а мумия будет висеть тут, внизу. Ничего страшного!

— Да, конечно, — взбодрился Хепат, — наверху, это хорошо. Там же и книга где-то…

Он со стыдом подумал, что из-за своих страхов совсем забыл о цели их путешествия — о книге, в которой должна быть заключена мудрость древних чародеев.

* * *

Книга лежала на виду. На грубо сколоченном столе, сиротливо стоявшем у стены на втором ярусе башни. Кроме стола, тут имелась низкая жесткая лежанка и два грубо сработанных стула. В узкое окно, или даже, скорее, бойницу, заглядывала ущербная луна.

Приятели молча разглядывали загадочную книгу. В толстом кожаном потертом переплете, немного обгоревшая с одной стороны, она лежала, как приманка. Как кусок мяса в волчьей ловушке.

— Он что, постоянно ее читал? — в недоумении произнес Конан.

— Нет, такие книги постоянно не читают, — прошептал Хепат, — в них заглядывают только тогда, когда возникает необходимость… Да и то, предварительно произносят охранительные заклинания. Тут что-то не так…

— А, может, у него просто тайника не было? Зачем ему тайник? Воры к нему не полезли бы даже за бочкой золота!

— Нет… что-то не так, — шептал гном, — прежде чем прикоснуться к книге, нужно подумать…

— Я поднимусь на третий ярус, — сказал Конан, — посмотрю, что там… А ты пока подумай…

Захватив факел, северянин по шаткой лесенке поднялся наверх. Хепат опять остался один в темноте. И вновь он ощутил если не страх, то, по крайней мере, тревогу.

Темнота… Темнота его не пугала. Если бы не мертвец на веревке, там, внизу!.. Хепат прислушался. Вот тяжелые шаги киммерийца наверху. Скрипят половицы. Внизу тихо. Тихо ли? Переступил копытами конь. Еще какой-то звук… Скрип? Похоже на скрип. Именно так скрипели качели, когда он в детстве учился раскачиваться. Колдун опять стал играть в свои игры! Мертвый колдун, если он не погребен с соблюдением необходимых обрядов, — страшнее живого… Гораздо страшнее. С живым еще можно договориться… С мертвым — никогда… Мертвые скорбят о своей кончине и ненавидят живых.

Хепат вспомнил, какие звуки раздавались иногда в пещерах, где гномы хоронили умерших. Стоны, вздохи, временами плач, стенания. Никто не отваживался без дела подходить к тем пещерам. Только для совершения обряда погребения и вместе со жрецом. И только после того, как он прочитает охранительные заклинания, крепко запирающие дверь в царство мертвых…

Спустился Конан.

— Там тоже лежанка и скамейка. Еще два сундука с одеждой. Я проверил — ничего ценного.

Гном, подавляя дрожь, сидел молча. Зевнув во весь рот, Конан продолжал:

— Ты можешь спать тут, а я — наверху, — но, поймав испуганный взгляд Хепата, добавил: — или наоборот.

— Нет… лучше тут… Ты ложись на лежанку, а я посижу еще, подумаю… — залепетал гном.

Крякнув и пробормотав: «Как хочешь», Конан загасил факел, растянулся на узкой лежанке и через некоторое время уже похрапывал.

Помимо воли, Хепат вновь стал прислушиваться. Снизу явственно доносились какие-то звуки… Крысиный писк… Конское фырканье… И что-то еще. Трудно было расслышать. Мешал храп Конана, мешало завывание ветра наверху. Гном задержал дыхание и весь превратился вслух. И услышал то, чего так боялся, — скрип. Так скрипеть могла только веревка, на которой висел высохший труп колдуна. Зачем он раскачивается? Для чего? Хочет сорваться? Освободиться от петли?

Стараясь дышать как можно тише, Хепат встал со стула, на цыпочках подошел к спящему другу и присел, скорчился у его ног.

Заржали кони. Внизу творилось что-то нехорошее. Хепату послышалось приглушенное бормотание, будто кто-то вполголоса читал заклинания. Замяукал кот.

«Странно, — успел подумать гном, — никакого кота мы не заметили, — где же он прятался?»

Неразборчивое вначале бормотание, теперь слышалось ясно и отчетливо. С ужасом разобрал Хепат некоторые слова древнего заклинания. Нужно будить киммерийца! Нужно… что? Бежать? Но как? Ведь внизу оживший мертвец!..

Ощутив чье-то прикосновение, гном вздрогнул, едва удержавшись от крика. Хвала богам! Это Конан. Конечно, он давно не спит… Конечно, этот шум, эти заклинания и мертвого поднимут!..

«Поднимут… мертвого… Поднимут… мертвого», — застучало в голове Хепата.

Внизу раздался глухой удар. Будто что-то тяжелое упало на пол.

Конан совершенно бесшумно поднялся и запалил факел. Даже в эти мгновения Хепат успел удивиться, как стремительно, плавно и бесшумно двигался гигант-киммериец. Словно тень, скользнул он к люку и, склонившись, осветил первый этаж башни.

Хепат посмотрел на книгу.

Она была открыта…

— Проклятье! — воскликнул вдруг Конан и быстро отошел от люка.

Факел он теперь держал в левой руке, а в правой неожиданно появился меч.

— Конан, книга… — прошептал гном, указав дрожащим пальцем на стол.

Страница медленно переворачивалась, будто кто-то невидимый стоял, склонившись над столом, и читал колдовской текст.

— Книга… книга… — лепетал гном.

— Вижу, — процедил Конан и одним движением задвинул Хепата себе за спину, подальше от стола.

Затем, вставив факел в держатель, взял меч двумя руками и замер, не спуская глаз с люка. Внизу как будто все стихло. Тянулось время. Конан был неподвижен, как статуя. Из-за спины выглядывал трясущийся Хепат. И когда ему показалось, что все затихло, что, помолившись богам, они смогут пережить эту страшную ночь, — заскрипела лестница.

— Проклятье! — вновь воскликнул Конан. — Он идет сюда! За нами… или за книгой!

Раздался шелест страниц — книга закрылась. Хепату даже подумалось, что все виденное было просто мороком — и книгу никто не открывал… Но нет — теперь она лежала на самом краю стола. Ее передвинули…

В тишине скрип ступеней казался невыносимо громким. Каждый звук отдавался внутри тупой, саднящей болью. Кто-то медленно поднимался к ним на второй ярус башни.

Кто это? Что? Зачем? — мысленно твердил гном. Почему он не остался внизу? Неужели он — мертвый и страшный в своей смерти — идет к ним? Что же теперь будет? Сможет ли меч Конана убить мертвого? Можно ли вообще убить мертвеца?!

Хепат со стоном уткнулся в спину товарища и закрыл глаза. Мерно и неотвратимо скрипела лестница. Настороженно замер Конан. Время остановилось. Кровь пульсировала в висках. Пот заливал глаза. Секунды… минуты… годы… вечность… Ничто уже не может измениться в этом мире…

Конан поднял меч. Значит… Значит… Уже скоро… Неожиданно для себя, гном выглянул из-за спины друга и тут же пожалел об этом.

Из квадратного отверстия в настиле второго яруса на него смотрел колдун. Неподвижные

мертвые глаза не мигали. Ссохшийся черный язык по-прежнему высовывался изо рта. На вытянувшейся и неестественно изогнутой шее болтался обрывок веревки. Не сводя с Хепата остановившегося взгляда, колдун стал медленно подниматься. Казалось, он с большим трудом заставляет двигаться окоченевшее тело.

Но почему медлит Конан?! Чего ждет? Гном застонал и опять спрятался за такой большой, надежной спиной друга. Но даже в этот страшный миг, он не смел указывать Конану. Он только мысленно просил — ударь скорее! Попробуй — может, тебе удастся убить мертвеца. Попробуй!

Но Конан медлил. Куда пойдет колдун? Если за книгой — пусть забирает и уходит. Он, Конан, не собирается вступать в поединок с живым мертвецом из-за проклятой колдовской книги…

Неестественной дерганой походкой труп медленно прошел к столу. Высохшие пальцы с трудом обхватили книгу. Послышалось хриплое клокотание. Смех? Прижимая к груди колдовскую книгу, мертвец повернулся к Конану. В запавших глазах мелькнула искорка торжества. Затем онемевшие губы его с трудом зашевелились, и послышались слова заклинания. Вторя мертвецу, закричал кот, заухала сова, завыли за стенами волки. Вдалеке прогрохотал гром. Чердак гулко вздохнул порывом ветра.

Ярким пламенем вспыхнул труп колдуна, и почти мгновенно распался, превратившись вместе с колдовской книгой в горсть черного пепла. Продолжал кричать невидимый кот, но волчий вой затихал где-то в дали, а сова захлопала крыльями и с прощальным уханьем улетела в ночь. Стих ветер. Отдаленным эхом прокатился последний, уходящий раскат грома.

Конан подхватил обессилевшего гнома и, морщась, уложил на лежанку. Он не любил явных проявлений слабости. Хепат лежал, как тряпичная кукла. Страх отнял у него все силы.

— Исчезла твоя книга, — бросил киммериец. — Хотя твоей она и не была, а теперь уж и не будет.

Гном безучастно смотрел в потолок.

— Ладно, — проворчал Конан, — спи тут, а я пошел наверх: теперь-то бояться нечего…

Наутро Хепат проснулся разбитым, с головной болью и ломотой в костях.

— Я так хотел завладеть этой книгой, — жаловался он, — я постиг бы мудрость всех поколений…

— Вряд ли колдовская книга научила бы тебя мудрости, — перебил Конан, — скорее, превратила бы в черного колдуна, которому ненавистно все живое.

Гном задумался, затем кивнул.

— Возможно, ты и прав, Конан…

Днем, когда в узкие окна лился веселый солнечный свет, башня не казалась такой мрачной, как ночью или в сумерках. Просто нелепое, грубо построенное сооружение. Хепат подумал, что он вполне мог бы тут жить — теперь, когда душа колдуна навеки покинула земную юдоль.

Конан вывел коней и отпустил пастись. Затем принес сумку с нехитрой снедью и сел за стол.

— Помнится, у колдуна было неплохое вино, интересно, где он его прятал…

Хепат повел носом и принюхался. Нахмурившись, он втягивал воздух, как шакал, приблизившийся к человеческому жилью, но опасающийся подходить ближе. Конан с интересом смотрел на маленького спутника. Гном медленно двинулся к стене.

— Так и есть! — торжествующе крикнул он, откидывая крышку небольшого

погребка. — Тут все пропитано винным запахом! Наверное, не один раз колдун проливал вино, нацеживая из этих сосудов…

Вспомнив про колдуна, Хепат сник, вновь переживая ночной ужас. Конан подошел и удивленно присвистнул: на дне погребка лежали глыбы самого настоящего льда. Между ними стояли глиняные сосуды с длинными горлышками. А в плотно закрытом бочонке, утонувшем во льду нашлось прекрасное копченое мясо.

— Клянусь Кромом, мне тут нравится! — воскликнул Конан. — Но как он сохранил лед? Днем такая жара…

— Ты забыл о книге, — печально сказал гном. — Заклинания… там можно было найти любые заклинания, в том числе и замораживающие…

За обедом друзья обсуждали план дальнейших действий. После второй кружки разговор оживился, а после четвертой — наоборот, стал очень серьезным. Конан склонялся к тому, чтобы немедленно отправится за горшком с алмазами. Гнома он решил взять в долю.

— Если не попадем в лапы к разбойникам, погуляем на славу, — он радостно хлопнул товарища по плечу и потянулся к кувшину.

Поднявшись с пола и вновь усевшись за стол — на сей раз подальше от Конана, — Хепат заплетающимся языком стал доказывать необходимость отыскать вход в древнее царство Вармина. Уж там сокровищ!.. Что там твой горшок?!.

Затем, забыв обо всем, он начал сосредоточенно нарезать мясо. Конан долго смотрел, как длинный нож гнома медленно отрезает ровные, красивые ломтики, затем, потеряв терпенье, схватил оставшийся кусок и, откусив половину, запил изрядным глотком вина. Хепат с укоризной посмотрел на жующего друга и вспомнил о сокровищах подземного царства.

— Там… там… там… — пытался он начать рассказ, затем громко икнул и продолжал уже без запинки.

Он красочно описывал отделанные самоцветами пещеры, подземные озера с кристально чистой водой, многочисленные тайные ходы и, конечно, огромные сундуки, набитые золотом, алмазами, изумрудами, аметистами, топазами…

— Все, все сокровища, которые веками собирали гномы, — станут твоими… нашими… Мы возродим древнее царство… Мы станем там жить! Позовем к себе всех… Для нас будут танцевать лучшие красавицы…

Тут гном подозрительно посмотрел на огромного друга.

— Ты не смотри, что я маленький!.. Женщины от меня без ума!.. Я… я помню, как открыл однажды сундук, запустил руки в изумруды, и вся пещера озарилась зеленым светом!..

От этих рассказов у Конана закружилась голова. Возникла острая необходимость освежиться вином. С удивлением он обнаружил, что три больших кувшина, которые они достали, — пусты. Хепат, продолжая говорить про изумруды, пошел к погребку, запнулся, упал и мгновенно заснул. Добродушно посмеиваясь, Конан перенес друга на лежанку, затем достал из запасов колдуна еще два кувшина — самых больших…

* * *

На следующее утро друзья пошли искать лошадей. Конан мрачно осматривал

окрестности башни. Хепат с тяжелой головой тащился следом. К полудню стало ясно, что кони пропали. К вечеру друзья нашли их кости.

— Как же мы забыли про волков?.. — бормотал Конан.

Гном тоже выглядел удрученным, но втайне был рад: теперь ничто не помешает им спуститься под землю.

Вечером друзья доели запасы мяса, и допили вино. Погребок опустел, и лед в нем растаял. Может, дело было и не в заклинаниях — просто раньше погребок открывали не так часто…

— Пора двигаться. — Конан приторочил за плечами сумку с запасом продуктов: теперь питаться предстояло вяленым мясом и сухарями — тем, что они привезли с собой.

Гном нес мех с водой и несколько хорошо просмоленных факелов. В последний раз, окинув хмурым взором их временное пристанище, Конан, к своему удивлению, увидел большого черного кота, настороженно сидящего на столе. Желтые глаза кота горели мрачным огнем, Тем не менее, он с готовностью подбежал к людям и стал тереться о сапоги.

— Где же он прятался? — удивился Конан.

Гном долго молчал, затем неуверенно сказал:

— Когда я спал, мне показалось… что какой-то кот подошел, потерся, потом повернулся задом и зачем-то потряс хвостом.

— Так вот почему от тебя идет кошачий запах! — захохотал Конан.

Гном обиженно потянул носом.

— У нас в пещерах кошки не живут… я эти запахи не знаю.

— Зато запах вина знаешь! А ведь если бы ты не нашел вино — мы не потеряли бы коней!

— Но тогда, — парировал Хепат, — мы не пошли бы в подземелье и не нашли бы…

— Мы еще ничего не нашли, — оборвал его Конан, — и неизвестно, найдем ли!

Подхватив тяжелую скамью, он с легкостью сбил замок с двери, ведущей в подземелья. Затем зажег факел, вздохнул и шагнул на знакомые ступени. Гном с важным видом отобрал факел, протиснулся вперед и бодро зашагал вниз, всем своим видом показывая, что тут главный он, Хепат — последний гном из славного клана великого Вармина!

Конан пожал плечами и двинулся следом. Кот с недовольным видом распушил хвост, утробно мяукнул, но решил не отставать.

И вновь Конан стоял там, где начинались два горизонтальных коридора, выложенных камнем и один — с земляными сводами, который в прошлый раз вывел его на поверхность. Кроме того, была еще одна лестница, ведущая вниз. Гном осторожно принюхался.

— Там, — он указал на земляной тоннель, — кхоно, живые корни, туда нельзя.

— Именно там я и нашел выход, — усмехнулся Конан, — а твои кхоно не слишком-то проворны.

— А нам, — продолжал гном, не слушая спутника, — туда, вниз, — он направился к темному провалу.

Конан бесцеремонно придержал его за ворот.

— А куда ведут эти? — он показал на горизонтальные тоннели.

Гном с опаской покрутил круглой головой.

— Скорее всего, это вход в лабиринт. Ловушка для новичков.

— Интересно, а кто прокопал эту нору, по которой я выбрался? И зачем?

Гном помолчал, и Конан с удивлением увидел, что он дрожит всем телом

— Кхоно, — тихим голосом повторил, наконец, Хепат, — кхоно…

— Корни? Но как они могли прокопать тоннель?!

— Прокопал мбинг… они гнали его, кусали… он копал… потом его съели. Ты просто не дошел до конца… Если бы дошел — увидел бы скелет мбинга. Но и сам не смог бы вернуться… Этот тоннель — ловушка!

— Что-то слишком много тут ловушек, — проворчал Конан. — А что там, внизу?

— Возможно, тоже лабиринт. Но там должен быть выход в пещеры царства Вармина… Должен…

— Что ж, пошли.

* * *

Под ногами хлюпала вода. Серые стены грозились навсегда поглотить неосторожных путников, дерзнувших нарушить их вековой покой.

— Остался последний факел, — прорычал Конан, — а ты все еще водишь нас по кругу!

Гном: обессилено присел, прислонившись к влажной стене.

— Я… это какой-то другой лабиринт… гномы таких не строили. Но мы найдем выход… немного отдохнем и найдем…

— Некогда отдыхать! — Конан рывком поставил Хепата на ноги. — Скоро мы окажемся в полной темноте, а это смерть! Вперед!

Гном побрел вдоль стены, шатаясь от усталости.

«Все пропало, — думал он, — конец. Как он, гном, подземный житель, мог заблудиться?! Как мог он не распознать чужой лабиринт?! Это работа не гномов. Кто же тогда строил эту чудовищную ловушку?»

Страшная догадка сверкнула в усталом мозгу Хепата. Что если он ошибся с самого начала?! Что если башня построена на других развалинах? Может быть, на этом месте никогда и не стоял храм Вармина? И тут нет никакого входа в древнее царство его исчезнувшего клана?

От отчаяния гном застонал, и тут же мигнул и погас последний факел.

— Будь проклято это подземелье! — воскликнул Конан. — Будь прокляты твои сундуки с драгоценными камнями, гном!

— Прости меня, Конан, — всхлипнул Хепат. — Прости… мы теперь тут погибнем… — Он почувствовал, как что-то мягкое ткнулось в руку.

Кот! Он не бросил нас. Хороший, добрый котик. Он пришел нас подбодрить… Но где же он был? Он ведь не шел с нами… Хотя, какая разница?.. Шел позади…

— Иди, котик, — прошептал гном, — не стоит тебе погибать с нами…

— Что ты бормочешь?! — грянул из темноты голос Конана.

— Кот… к нам вернулся черный кот…

— Держи его! Не отпускай! — Конан стал торопливо искать в сумке веревку.

Через несколько мгновений привязанный кот, обиженно мяукая, повел друзей к выходу из лабиринта. Последняя надежда! Возможно, кот, своим звериным чутьем найдет выход. Последняя, слабая надежда в кромешной тьме…

Кот натягивал веревку, как хорошая собака. Конан едва поспевал, выставив вперед свободную руку, а Хепат, вцепившись в пояс друга, передвигался бегом.

Однако скоро веревка ослабла. Кот остановился. Друзья терпеливо ждали.

— Ты не боишься смерти, Конан? — прошептал Хепат

— Как тебе сказать… Смерть всегда рядом. Я просто привык.

Внезапно кот довольно заурчал.

— Похоже, поймал мышь, — пробормотал гном.

В темноте раздавался хруст костей и громкое чавканье.

— Не решит ли он тут поселиться? Вода есть, мыши тоже… Что еще надо коту? — Конан усмехнулся. — А мы тут долго не протянем. Мы мышей ловить не умеем…

Пообедав, кот решил передохнуть и, запрыгнув Конану на плечо, распластался, как воротник. Киммериец услышал довольное, сытое мурлыканье.

— Придется ждать.

— А он поспит, проголодается и опять пойдет ловить мышей… — с досадой произнес гном.

— Я положился на тебя, — жестко сказал Конан, — и ты завел меня сюда! Теперь я буду полагаться на кота.

Вскоре он услышал всхлипывания — Хепат плакал.

— Прости меня, Конан… я…

— Ладно, старина! Кот не останется жить в лабиринте. Тут даже ему будет неуютно. Я уверен, он нас выведет.

* * *

— Я отдам ему свою долю мяса, — Хепат гладил, растянувшегося на столе довольного кота, — я, гном, заблудился, а он нас вывел!

Конан усмехнулся.

— Теперь самое разумное будет нести его в сумке на случай…

— На какой… случай?.. — удивился гном

— На случай, если мы вновь заблудимся. Я не привык отступать. На сей раз, пойдем горизонтальным тоннелем.

Хепат смотрел на спутника, раскрыв рот. После всего… после стольких блужданий, отчаяния в полной темноте… Он готов опять рискнуть?! Только тут гном в полной мере осознал духовную мощь своего спутника. И не сокровища его влекут… Во всяком случае, не только сокровища. Сундуки, набитые золотом — это просто приз, конечная точка… У него ведь закопан где-то горшок с алмазами — деньги для него не главное… А что? Гном осторожно глянул в синие глаза гиганта.

— Конан… почему?..

— Почему я не отступлюсь?

— Да… что заставляет тебя… после всего…

— Видишь ли, старина, — Конан выпил воды из меха и поморщился, — мне приходилось отступать, но только тогда, когда иного выхода не было. Мы должны пройти по тоннелям!

— Конан… я недавно подумал… Я мог ошибиться — возможно, эта башня построена на других развалинах, и тут нет выхода в царство Вармина…

— Пойдем завтра, — коротко сказал Конан и, заметив страх в глазах друга, добавил: —

Я нагружу тебя двумя десятками факелов! У колдуна наверху есть запас…

* * *

Тоннель, постепенно понижаясь, уходил в темноту. Тяжело нависали мокрые каменные своды. Шаги рождали отдаленное эхо, и казалось, что кто-то идет следом.

Несколько раз друзья останавливались и прислушивались. Нет, никого, только вязкая, звенящая тишина.

— Или преследователи так же быстро останавливаются, или это только эхо… — Конан топнул ногой. Звук затих, задавленный нависающей над ними толщей земли. Эхо было, но очень слабое.

— Внизу мы вообще не слышали никакого эха, — прошептал Хепат.

— Внизу мы сразу вступили в лабиринт, там сплошные повороты… А тут — прямой каменный коридор.

Гном погладил кота, голова которого высовывалась из сумки, висевшей на плече Конана, и ничего не ответил. Затем, привычно закинув за спину вязанку факелов, двинулся вперед, держа в свободной руке очередной — третий по счету — горящий просмоленный стержень.

И вновь позади послышались шаги. Конан все больше хмурился. Может ли эхо раздаваться только сзади? И может ли оно быть таким… многоголосым? Идут они вдвоем, а преследуют их, кажется, не менее десятка человек… И сколько может тянуться этот тоннель?! Прямой, как стрела, наклонно вонзившаяся в землю… ни одного поворота… Этот ход ведет к определенной цели. Никаких лабиринтов. Подвело чутье нашего великого гнома — потомка славного Вармина… Нужно проверить, что там, или кто там, позади… Возможность только одна — остаться и подождать!

— Хепат, — начал Конан и тут же подумал, какой страх испытает гном, оставшись один. Но что делать?.. — Слушай, друг мой, ты иди вперед с факелом, а я останусь тут и проверю. Если все будет хорошо — я тебя сразу догоню.

Факел задрожал в руке гнома. Переведя дыхание, он хрипло сказал:

— Что ж, тебе виднее… Долго не задерживайся... И еще — отдай мне сумку, она будет мешать…

Похоже, гном был уверен, что его товарищу предстоит нешуточная схватка.

Прижавшись к холодному камню, Конан смотрел, как исчезает вдали огонек факела, казавшийся таким крохотным в этом бесконечном мрачном тоннеле. Ясно слышались удаляющиеся шаги.

И тут же из темноты донесся другой звук — нет, это не эхо! Кто-то шел по их следам. Огонек факела превратился в тусклую звездочку, а скоро и вовсе исчез. Темнота наполнилась звуками. Мерно капала вода, шуршали мыши. Что они тут едят? Может, у них есть выходы наружу? Этакие длинные норки — длинные, как это проклятый тоннель… И они выходят, видят солнце, греются… А ночью над ними — не холодный, сырой свод, а ласковые, мохнатые звезды.

Шаги… шаги преследователей! Стихла даже мышиная возня.

Конан, затаившись в темноте, ждал. Интересно, они — те, кто идет следом — видят во мраке или будут освещать дорогу факелами? Шаги приближаются, а света факелов не видно. Значит, глаза преследователей приспособлены к темноте!

Это совсем плохо. Орудовать мечом в кромешной тьме, вслепую, пытаясь поразить врага, который хорошо тебя видит — задача непростая.

Конан обнажил меч и приготовился.

* * *

Сердце Хепата, казалось, готовится выпрыгнуть из груди. Он давно понял, что Конан будет устраивать засаду. И когда это произошло, он не удивился. Он спокойно пошел дальше, как и было приказано. Вот только сердце… Бьется так, что ничего другого не слышно. Не оглядываться!.. Иначе можно не выдержать и бросится назад. Нет, надо идти… Идти одному!

Хепат вспомнил, как часто бродил он в одиночестве по лабиринтам царства Вармина. Он даже любил одиночество. Когда ты один — ты сам себе хозяин. Где хочешь — присядь, отдохни. Остановись — полюбуйся красотами отдаленных пещер. Не с кем поговорить? Так ведь, можно мурлыкать песенку или, в конце концов, разговаривать с самим собой. Да, одиночество его не пугало. Он любил одиночество…

Почему же сейчас ему так страшно?! Он перестал быть гномом? Может быть, прожив несколько лет среди людей, считавших его просто карликом, он и в самом деле перестал быть гномом? Нет, здесь другое… Ни одна, даже самая отдаленная пещера, ни один тоннель там, в царстве Вармина, не внушали ему страха! Тут дело в другом… Зло впиталось в эти каменные осклизлые стены. Слишком много зла! Оно струится вместе с водой со сводов, оно течет по стенам, оно обволакивает путника невидимым туманом, парализует мозг, ослабляет волю…

Позади раздался ужасный рев. Звук ударил гнома, как дубинкой. Факел упал и погас. А рев невидимого зверя все доносился из темноты, парализуя мышцы…

* * *

Холодный камень обжигал спину, зато рукоять меча приятно согревала ладонь. Конан перестал дышать, вслушиваясь в приближающиеся шаги. Уже скоро. Насколько хорошо преследователи видят в темноте? Заметят ли его, прижавшегося к стене? Если видят не очень хорошо — могут и не заметить. Следовательно, нужно их испугать… появиться внезапно… возникнуть из ничего, из серых теней…

Он ждал до последней минуты. До тех пор, пока невидимые в темноте преследователи не подошли на удар меча. Затем, издав свой страшный боевой клич, одним прыжком выскочил на средину тоннеля и со страшной силой описал мечом дугу на уровне груди. Меч со свистом рассек воздух. Никого? Но по-прежнему раздавался — теперь удаляющийся — звук шагов! Казалось, преследователи прошли сквозь него и спокойно шествуют дальше.

Теперь не оставалось ничего другого, как нащупать рукой стену и двигаться вслед за странным, неуязвимым противником.

Кто это? Призраки? Но разве призраки стучат каблуками?..

* * *

Хепат дрожащими руками пытался зажечь факел. Искры не желали попадать на трут, но зато обильно сыпались на землю. Проклятье! Он должен успокоиться! Но отзвуки страшного рева, казалось, еще не затихли… Что это было? На Конана напал какой-то зверь? И его рык, усиленный эхом… Но что-то смущало. В этом зверином реве все же было что-то человеческое… Может… Ну, конечно!..

Хепат с облегчением рассмеялся. Это был боевой клич Конана — великого воина, его друга! Клич, лишающий врагов воли! Заставляющий трепетать даже самые смелые сердца! Даже он, Хепат — последний из великого племени Вармина — слегка испугался! Руки перестали трястись, и гном запалил, наконец, факел. Но где же Конан? Если он издал боевой клич, значит, была схватка. Каков ее итог? И что делать ему, Хепату? Идти вперед или подождать?

Поздно — шаги преследователей приближаются! Топот нескольких человек. Значит, Конан погиб? Во всяком случае, он не сумел их остановить! Может, он ранен и ему нужна помощь? Но как к нему пройти? Они уже близко! Они не пропустят!

Из последних сил гном сжал рукоятку кинжала. Левой рукой он высоко поднял факел. Противники приближались. Сейчас он увидит их… Он выступят из темноты, и тогда…

* * *

Конан, временами касаясь ладонью влажной стены, пробирался вслед за невидимыми и неуязвимыми преследователями. Он решил больше не ломать голову над неразрешимыми пока загадками. Сейчас важно не отставать от тех, кто прошел сквозь него, как ветер сквозь… Нет, ветер не проходит сквозь преграду — он ее огибает! Чувствовалось, что вот-вот придет разгадка. Огибает… Но они не могли его обогнуть — меч вихрем прошел от стены, до стены!..

Вдали зажглась звездочка. Хепат! Видимо, он остановился и ждет! И сейчас к нему приближаются *те*... Конан побежал. Только бы не опоздать!

* * *

Хепат, трусливый гном — последний из клана славного Вармина — приготовился встретить смерть. Он гордо стоял с кинжалом в одной руке и факелом в другой. Страха не было. Он считал себя уже мертвым, и теперь следовало позаботиться о том, чтобы не выглядеть испуганным в глазах врагов. Хотя бы казаться смелым, мужественным воином! Таким, каким он никогда не был, но какими были его братья! Он не посрамит свой род! Он не отступит, как… как тогда…

Из темноты выступили странные силуэты. Хепат прищурился. К нему приближались существа меньше его ростом! Гномы среди гномов! И обступив его, они заговорили на древнем, полузабытом наречии. Хепат обессилено сел прямо на мокрый пол. Бледные, будто прозрачные лица… Огромные, выпуклые глаза с вертикальными зрачками… Одеты в шкуры каких-то чешуйчатых тварей, но довольно хорошо сшитые… На ногах добротные сапоги. За поясом у каждого длинный кинжал, украшенный изумрудами и алмазами… И говорящие на полузабытом языке! Это язык древних властителей подземного мира, живших задолго до

появления гномов! Перед ним стояли самые древние жители пещер! Живая легенда!

Внезапно они замолчали и стали вглядываться в темноту. Один из них поднял бледную руку ладонью вперед. Жест, понятный всем. Жест дружелюбия.

Конан спокойно подошел к маленьким преследователям. Пять человек… человек? Нет, конечно, это не люди. Даже меньше гномов. Вот, значит, почему его меч не причинил им вреда — он попросту просвистел у них над головами! А ведь он и сам бы догадался… Еще немного — и догадался бы!

Конан присел, разглядывая одного из преследователей, по-видимому, старшего. Именно он показал пустую ладонь. Человек и маленький подземный житель долго смотрели в глаза друг другу, и Конан почувствовал дружелюбие маленького существа. Дружелюбие и просьбу о помощи.

Тем временем Хепат вспоминал древний язык. Он обменивался фразами с другим созданием, которое терпеливо, по нескольку раз повторяло каждое слово.

Затем все с интересом разглядывали кота, который недовольно выглядывал из сумки.

* * *

— Они мне рассказали, как попасть в заброшенное ныне царство моих предков. И еще они просили о помощи… — сказал Хепат после того, как маленькие существа исчезли в темноте.

Друзья сидели на корточках, прислонившись к холодной стене.

— Это самые древние жители пещер! Их под земные царства процветали задолго до того, как появился первый гном! — Голос Хепата дрожал от волнения. — В старых легендах упоминались некие существа, живущие где-то рядом. Их так и называли — «живущие рядом». В более поздних сказаниях, о них уже ничего не говорилось. Считалось, что они исчезли.

— Не все, как видно, — сказал Конан, — а какая им нужна помощь?

— Им кто-то досаждает… Нужно закрыть проход в их последнее жилище. Теснимые врагами, они давно ушли на глубины, к самым корням гор, но и там до них кто-то добрался…

— Кто же и почему их преследует? Кому они теперь мешают?

— Я многого не понял, — признался гном, — но мне кажется, что до них добрались те самые дикари, которые погубили мое племя…

— Странные существа, — тихо сказал Конан, вспомнив, как, прощаясь, каждый из них подходил к нему и, коснувшись руки или плеча, долго смотрел в глаза, — кажется, они многое понимали без слов…

— Да, мне тоже так показалось. И язык я запомнил как-то очень уж быстро…

— Они заново вложили его в твою пустую голову, — усмехнулся Конан.

— Ну, что же, — Хепат не счел нужным отвечать на шутку и поднялся, — пора идти. Этот тоннель приведет нас в огромную пещеру. Именно там поселились дикари. А дальше начнется самое трудное…

* * *

Пещера, к которой вышли друзья, неожиданно для Конана, оказалась освещена слабым зеленоватым светом. Светилась какие-то мхи или лишайники на стенах.

«Пуго», — пояснил гном. Редкие растения. Гномы их разводили и приживляли на камне, но приживались они плохо и, зачастую, проще было воткнуть в стену факел, чем возиться с капризными растениями. Однако там, где пуго приросли, они держались крепко, довольно быстро разрастались и служили неплохим источником света.

Сама пещера была огромна. Своды терялись в темноте — наверху пуго не росли. В стенах виднелись многочисленные отверстия — тоннели, ходы, лазы, и, может быть, просто норы. Большую часть пещеры занимало озеро. Неподвижная гладь воды отражала светящиеся пятна пуго. Озеро обегала нешироκая мощеная дорожка. На берегу, на равном расстоянии друг от друга, стояли высокие каменные истуканы. Грубо обработанные, мрачные — все они были повернуты лицом к озеру, будто терпеливо ожидали появления некоего духа воды, либо наоборот — стремились оборонить жителей пещеры от того, кто обитает в глубинах. Кое-где входы в тоннели обрамлялись небольшими колоннами, украшенными причудливой резьбой. Некоторые отверстия располагались довольно высоко, и к ним вели истертые ступени.

Конан не спешил выходить из скрывавшего их тоннеля. Затушив факел и оставаясь в темноте, друзья долго разглядывали раскинувшуюся перед ними пещеру.

Хепат нараспев, словно читая старинные предания, рассказывал, что несколько тысячелетий назад здесь жили древние. Об этом говорили некоторые легенды. Эта пещера была центром древнего царства «живущих рядом». Они приносили жертвы своему богу, живущему в глубине озера. Но иногда бог гневался и забирал к себе слишком многих… Может быть, поэтому они ушли вглубь земли?.. Как бы то ни было, скоро в пещере поселились гномы. Они не приносили в жертву своих товарищей и, вообще, считали подводного бога мерзким чудовищем.

— Вероятно, здесь обитали подданные Григли — наши соседи. Сильное и многочисленное племя. Не смотря на это, они исчезли лет на сто раньше нас.

— А теперь? — спросил Конан. — Что рассказали древние?

— Теперь тут, за озером, поселились воинственные дикари, которые делают вылазки во все тоннели и уже убили нескольких древних. И многих, многих гномов…

— А как вода? Пить ее можно? Наш мех почти пуст…

— Лучше вначале выпустим кота, хватит ему сидеть за спиной. Пусть он и попробует…

— Что ж, выпускай.

Хепат развязал сумку, и кот, недовольный и взъерошенный, резво помчался к озеру. Припав к воде, он долго лакал, затем внезапно насторожился и замер, выгнув спину. Тревожная рябь торопливо пробежала по зеркальной поверхности озера. Блестящее черное щупальце медленно поднялось над водой. Кот распушил хвост, приподнялся на лапах так, что стал чуть не вдвое выше, и угрожающе зашипел. Конан легко, едва касаясь земли, побежал к озеру. Щупальце, покачиваясь, нацелилось на застывшего кота.

— Беги же! Беги дурак! Спасайся! — шепотом кричал гном.

Ему показалось, что у самой поверхности воды он видит два огромных зеленых глаза. Щупальце, подобно огромному хлысту, метнулось к добыче. Молнией сверкнул меч Конана, и мгновение спустя черный обрубок, извиваясь, упал на песок. Вода вспенилась. Кот заорал и длинными скачками помчался вдоль озера. Хепат заметил, что он, не сбавляя хода, скрылся в одном из многочисленных тоннелей.

В озере, казалось, бился огромный клубок змей. Несколько раз на поверхности

мелькнула часть разбухшей черной туши чудовища. Конан так же быстро вернулся в тоннель и, качая головой, наблюдал за гневом монстра, лишившегося конечности.

— О, Конан, ты оскорбил древнего бога… что же теперь будет?.. — чуть не плакал Хепат.

— Но ведь гномы, насколько я помню твои слова, не считали это чудище богом, — спокойно сказал Конан.

— Так-то оно так… Но шуму он наделает… И все из-за этого мерзкого кота!

— Который, между прочим, спас нам жизнь! Теперь мы квиты. Я уверен, что наш кот поселится неподалеку, в какой-нибудь норе. Мышей тут в изобилии.

— Но когда он захочет пить…

— Он не пойдет к озеру, — закончил Конан, — найдет другой источник. Да и нам бы это не помешало…

— Найдем, — махнул рукой гном, — к озеру бегут сотни ручьев. Мы сейчас осмотримся…

— Тебе не кажется, — перебил Конан, — что справа, вдоль озера что-то движется?

Хепат прищурился.

— Похоже. Наверное, нас заметили дикари. Теперь можно было ясно различить восемь человек, гуськом бегущих по тропинке.

— Могли и заметить, а скорее всего, услышали шум. — Конан неспешно обнажил меч. — Отступим вглубь тоннеля, в темноту. Может, они просто хотят посмотреть, почему так разбушевался их бог…

— Вряд ли они молятся этому богу.

— А почему бы и нет? Ведь даже древние признавали это чудище божеством…

— Конан, мне кажется, они бегут сюда. Они нас заметили, — голос Хепата слегка дрожал.

— Тогда сдадимся в плен, — серьезно сказал Конан, — я отдам им меч, а ты кинжал.

— Никогда! — воскликнул гном. — Этот кинжал подарил мне отец! Я никогда… — И только теперь он сообразил, что его друг шутит.

Таинственные дикари между тем были уже на расстоянии полета стрелы от тоннеля. Рослые, почти сплошь покрытые шерстью, с сильными длинными руками, они бежали вперевалку, сильно раскачиваясь. На плече каждый нес увесистую дубину.

— Это они, — прошептал Хепат, — люди с лицами на груди! Им невозможно отрубить голову!

И действительно, невероятная сутулость дикарей производила впечатление полного отсутствия голов у них на плечах.

Дикари остановилась против тоннеля, в котором укрылись друзья, и стали принюхиваться. Их вывернутые ноздри раздувались и пульсировали, налитые кровью глазки злобно всматривались в темноту.

— Что будем делать? — прошептал Хепат испуганно.

— Что делать? — удивился Конан. — А как ты думаешь?

— Мы будем сражаться! — твердо сказал гном и вытащил из-за пояса кинжал.

Даже в этот момент Конан не мог не улыбнуться, глядя на своего маленького товарища, готового смело выступить против страшных противников, убивших когда-то его братьев.

Поймав за воротник шагнувшего вперед гнома, он серьезно сказал:

— Встань позади, только не попади под удар меча, и смотри, чтобы никто не зашел мне

за спину.

— А если зайдет? — звенящим голосом спросил гном.

— А если зайдет — ты его убьешь! — терпеливо пояснил Конан, сделав несколько разминочных движений.

Раздался хриплый крик — видимо, команда, — и дикари кучей бросились к тоннелю. Хепат отступил в темноту — прикрывать спину Конана. Оскаленные пасти, безумные глаза, мощные волосатые лапы, шишковатые дубины — это зрелище было не для гнома, и он предпочел на некоторое время закрыть глаза.

Когда рычание дикарей наполнило своды тоннеля, глаза пришлось открыть — как же иначе прикрывать друга? К своему удивлению, Хепат увидел, что один дикарь уже корчится на земле, из тела второго Конан извлекает меч, а третий, оскалив желтые клыки, замахивается шишковатой дубиной. Остальные толпились позади, подбадривая соплеменников дикими криками. Все это Хепат увидел, как при вспышке молнии. Далее персонажи этой кровавой картины пришли в движение. Его друг, высвободив меч из грудной клетки дикаря, уклонился от удара дубиной, одновременно приседая и направляя удар меча вниз. Ошеломленный гном увидел, что Конан отрубил противнику ногу с такой же легкостью, с какой дровосек валит небольшое дерево.

Дикарь визжал, из обрубка хлестала алая кровь — такая же, как у всех.

«И больно ему так же, как и всем, — подумал гном».

В нем боролись жалость и ненависть. Жалость к живому существу, умирающему и страдающему от боли, и ненависть к убийцам братьев — кровожадным, мерзким тварям.

Хепат подполз к дикарю и, движимый скорее все же милосердием, нежели ненавистью, вонзил кинжал ему в сердце.

В этот момент Конан издал боевой клич. Хепат чуть не выронил кинжал, а дикари задрожали, опустив дубинки. Воспользовавшись заминкой, киммериец перепрыгнул через убитых и широким горизонтальным движением меча вспорол животы двум рядом стоящим противникам. Не прошло и десятка ударов сердца, как пятеро нападавших были мертвы. Хепат никогда не видел друга в битве и теперь не мог придти в себя от изумления и ужаса.

Ему приходилось участвовать в сражениях. Он бился сам, и видел, как сражаются другие — и гномы, и люди. Но такого вихря, такой стремительности в сочетании с огромной силой, ему видеть не приходилось. Теперь он был уверен, что Конан может одолеть и сто, и тысячу противников без особого труда. Хепат не мог даже увидеть Конана в каком-то одном месте — казалось, тот был везде. Сверкал меч, и падали, падали с визгом противники. Когда гном: пришел в себя, Конан вытирал меч о шкуру последнего убитого дикаря. С ужасом смотрел Хепат на друга-великана. Тот даже не запыхался! Какую страшную силу, какую выносливость дали боги этому человеку! Быть ему королем!

Хепат вдруг ясно увидел Конана, сидящим на троне. Согнулись в поклоне придворные… Рядом с троном стоит прекрасная женщина — королева… И скучающее лицо его друга — не слишком-то весело быть королем.

— Что? — спросил гном, очнувшись.

— Пора уходить, — повторил Конан, — они обязательно пришлют еще один отряд.

«Да тебе хоть десять отрядов, — подумал Хепат, — ты с такой же скоростью расправишься и с ними!.. Да, древние знали, к кому обратиться за помощью».

А вслух сказал:

— Уходим направо, в седьмое отверстие, оно небольшое, не бросается в глаза. Потом

нужно будет перекрыть тоннель, ведущий в царство древних.

— Как мы это сделаем? — спросил Конан, быстро шагая вдоль отвесной стены пещеры,

— Мы устроим обвал. В нескольких местах. Так сказали древние.

Конан остановился у небольшого, в рост человека, отверстия в гранитной стене. Седьмой тоннель.

Темный вход, только где-то вдали светилось пятно удивительных растений.

— Столетиями гномы сажали тут пуго, — удовлетворенно сказал Хепат, — похоже, что факелы нам: больше не понадобятся.

Два соседних тоннеля были гораздо шире, и вход в них украшали резные колонны.

— А эти куда ведут? — кивнул Конан.

— Про другие тоннели древние ничего не говорили. Тут тысячи разных ходов… А в царство Вармина мы сможем попасть после того, как устроим обвал. Там, в одном месте откроется потайной ход…

* * *

В таверне сизыми клубами плавал табачный дым. Бородатые гномы выпускали изо рта трубки только затем, чтобы опрокинуть кружку темного эля. Тусклые масляные светильники немилосердно чадили. Низкие каменные своды постоянно напоминали Конану о том, что он не гном и не маленький «живущий рядом».

Люди, впрочем, здесь тоже были. Но они все-таки немного не доставали головами до потолка. Несколько человек самого бродяжьего вида, вооруженные короткими мечами и двумя-тремя кинжалами, сидели за длинным: столом. У одного за спиной висел лук и колчан со стрелами. Бродяги пили вино и подозрительно поглядывали на Конана. Хепат, приняв приглашение гномов и выпив с ними несколько кружек эля, вернулся обратно на пружинящих ногах.

— Это гномы из клана Сакку, — слегка заплетающимся языком поведал он, — они тут часто бывают. Говорят, здесь можно выгодно продать камешки, оружие… Словом, эта таверна — место сбора всех, кто хочет что-то продать или купить, не выбираясь на поверхность.

— Любопытное место, — проворчал Конан, берясь за кружку, — и кормят тут неплохо, и вино хорошее.

— А главное, публика интересная, — подхватил Хепат. — Ну, людей ты, конечно, заметил. Бродяги и головорезы. Гномов тоже полно. Накурили — дышать нечем! Мы такие длинные трубки не делали. Да и табак у нас был получше… А вон там, в углу — их и не видно отсюда — сидят два существа очень странного вида. Похожи на ящериц. На них стараются не смотреть, будто не замечают…

— Видел я когда-то ящериц-воинов… — задумчиво сказал Конан.

— А хозяин этой таверны, — продолжал Хепат, — по-моему, не совсем человек…

Конан невольно бросил взгляд на коренастого, толстого человека (человека?), распекающего слугу за нерасторопность. Отвесив парню пару оплеух, он повернулся, и Конан заметил его острые уши, слишком маленький для человека нос, чересчур раскосые глаза…

— Кто же он?

— Трудно сказать, — гном изучающе прищурился, — тут, под землей, встречаются разные гибриды… Я однажды видел, правда, мельком, змею с лицом человека!

— А, может, гнома? — усмехнулся Конан

— Что — гнома? — не понял Хепат

— Может, змея была с лицом гнома, а не человека, — терпеливо пояснил Конан. — Ты не заменил — была ли у нее борода?

Хепат обиделся и промолчал, утопив нос в кружке. Гномы за соседним столом затянули веселую песню. Слуги едва успевали подносить им кувшины с элем.

Обида Хепата скоро прошла, и он, подперев кулаком отросшую бороду, продолжил:

— А однажды я забрел в незнакомые пещеры и наткнулся на странную тварь. Помесь медведя, оленя… мохнатый… с рогами… Или вот… в одной пещеры жил…

Конан допил кувшин, заказал еще и мрачно посмотрел на пьяного товарища.

— Гибриды, ящерицы, рога у медведя!.. За этот обед мы еще заплатим. А за следующий?..

Хепат поерзал на скамье, будто сел на гвоздь, и незаметно, чтобы не обидеть хозяев, попытался устроиться поудобнее.

— Я клянусь, что найду дорогу в царство Вармина… — торжественно начал он.

— Помнится, ты и раньше так говорил! А древние толковали тебе, что откроется потайной лаз…

— Ну, кто же знал, что ты устроишь такой обвал?! — слово «такой» гном произнес с нажимом и некоторым страхом. — Если там и был лаз, ты завалил его.

Конан вспомнил, как они, следуя указаниям древних, искали нужный камень, извлечение которого из стены привело бы к небольшому обвалу. Именно так нужно было перекрыть вход в подземную страну «живущих рядом». Может, он вынул не тот камень? Или время подточило этот древний тоннель, эту ловушку, и она сработала не так, как надо? Во всяком случае, обвал получился такой, что они едва успели унести ноги.

После чего несколько дней блуждали в лабиринтах тоннелей, пока, наконец, неожиданно не вышли к этому «перекрестку подземных дорог» — просторной пещере, в стенах которой были выдолблены небольшие уютные норы — жилища, склады продовольствия, таверны. Народ на этом «перекрестке» хоть и не толпился, но…

Чаще всего встречались важные, молчаливые гномы. Иногда из тоннелей выходили целые процессии, степенно шествовали мимо Конана и Хепата и, не удостоив их взглядом, скрывались в одном из проходов…

А когда друзья заглянули в одну из рукотворных пещер, откуда доносились веселые голоса, они буквально остолбенели от неожиданности. Конану показалось, что он очутился в одной из харчевен на окраине Шадизара. Хепат же вспомнил старые времена, когда был жив владыка Вармин, и гномы частенько собирались выпить за его здоровье в таких же небольших уютных пещерах.

В таверне моментально стихли разговоры, когда у входа возникли два новых посетителя — великан с длинным мечом и гном с острыми, пытливыми глазками. Подбежавший хозяин усадил гостей за стол, и постепенно на них перестали обращать внимание.

— Я спрашивал гномов, — Хепат кивнул на сородичей, дымивших трубками, — они примерно рассказали, где искать царство Вармина, но точно не знают… Правда, они сказали еще кое-что…

— Что?

— Ну… они советовали не ходить туда… Там… Словом, они слышали, что всеми сокровищами теперь завладел…

— Дракон? — с интересом спросил Конан

— Вроде, нет… Они не знают… но тот, кто там поселился, так страшен…

— Что от его взгляда сходят с ума и люди, и гномы?

— Откуда ты знаешь?! — ужаснулся Хепат. — Значит, ты тоже слышал?..

— Я много чего слышал, — усмехнулся Конан, — чаще всего, это были просто сказки.

Гном покачал головой. Он тоже слышал разные страшные сказки. Их так любили рассказывать его братья… Но в сказках все было ясно. Если даже вначале рассказа и таилась некая загадка — в конце она обязательно разъяснялась. Сказки рассказывали о драконах, циклопах, колдунах… О битвах с известными врагами… А тут — безымянный ужас… Сходят с ума… Нет, это не сказка! Но разве убедишь в этом Конана?!

А, кроме того, он, Хепат, последний из клана… он ведь обещал… А обещание надо выполнять, даже если придется расстаться со здравым рассудком. Впрочем, кажется, испытания начнутся прямо сейчас…

Хепат заметил, что один из пятерых бродяг, давно косившихся на Конана, покачиваясь, идет к их столу. Мутные глаза незнакомца явно не предвещали дружеской беседы. Бродяга начал без обиняков:

— Слушай, приятель, ты мне не нравишься. Так что лучше…

Конан, продолжая сидеть, махнул рукой, и парень отлетел на несколько шагов. Он имел несчастье опрокинуть головой тяжелую скамейку, и поэтому остался недвижим даже после того, как слуги поставили скамью на место. Вскочили остальные четверо. С самой грязной бранью, которую только смогли измыслить их затуманенные алкоголем головы, он надвинулись на Конана.

Хепат заметил, что ни один из них не прикоснулся ни к мечу, ни к кинжалу. Очевидно, узрев длинный меч противника, они предпочли рукопашную. А может быть, по каким-то причинам, здесь не принято убивать? Хепат задумался о возможных причинах, но так ничего и не надумал. Освежившись несколькими глотками вина, он вспомнил, что запрещено обнажать оружие только в храме, — но это славное место, где они так весело проводили время, никак не походило на святилище.

К этому времени сквернословы приблизились и один был настолько невежлив, что выбил кружку из рук Конана. Хепат хихикнул. Самоубийцы!.. Он приказал слуге принести новую кружку, но его никто не услышал. Поднялся шум.

Конан в гневе вскочил, забыв пригнуть голову… Окончательно рассвирепев, он двинулся на противника…

Потягивая вино, Хепат с интересом наблюдал, как летают по таверне невежливые бродяги. Самое интересное было в том, что пиршество, в общем, продолжалось. Иногда, конечно, случалось, что очередной сквернослов, прилетев в самый дальний конец пещеры, невзначай опрокидывал уставленный кувшинами стол, но слуги быстро наводили порядок, и трапеза продолжалась. Оружия никто так и не обнажил, и это особенно понравилось гному.

А когда Конан с невозмутимым видом вновь уселся за стол, ему захлопали все, кто был в состоянии шевелить руками. Другие разразились невнятными криками одобрения. А хозяин-получеловек, распорядившись унести пятерых сквернословов, бесплатно преподнес Конану самый большой кувшин вина. Словом, Хепат был очень доволен обедом и на время забыл о том страшном, что ожидало их в заброшенном царстве Вармина.

* * *

Уже два дня пробирались друзья по заброшенным, наполовину засыпанным тоннелям. Иногда они выходили в пещеры естественного происхождения, представляющие собой настоящие лабиринты. Но Хепат, безошибочно выбирая направление, вдохновенно вел их к царству предков. В нем, наконец, пробудилось чутье подземного жителя.

Порой Конану, казалось, что гном шагает наугад. Сворачивает в первые попавшиеся тоннели. Не задумываясь, перебирается через завалы. Лезет в какие-то незаметные норы.

Но Хепат был так уверен, так тверд в выборе маршрута, что Конан проникся уважением к его чутью.

Поистине, думал он, гномы должны обладать чувством направления, позволяющим ориентироваться под землей, иначе им просто не выжить. Правда — искоса глянув на друга, северянин почесал голову — они и не выжили… Хепат, вон, последний из клана… Да и других становится все меньше… И все же чувство направления им дано, на это, пожалуй, можно положиться.

— Уже скоро, — возвестил, вдруг Хепат, сворачивая в очередной тоннель, — я ощущаю…

— Что именно? — Конан с интересом посмотрел на маленького друга.

— Что приближаемся к царству моих отцов… И присутствие чего-то страшного… Мы обречены… Как можно сражаться с безымянным ужасом?

— Но у этого ужаса должно быть тело, которое можно поразить мечом!..

— А если у него не будет тела? — с тоской спросил гном. — Что тогда?

— Тогда и посмотрим, — пробурчал Конан.

Друзья молча зашагали по вновь открывшемуся тоннелю, который неожиданно закончился глухой стеной. Конан стукнул кулаком по каменной кладке, перегораживающей путь. Раздался гулкий звук.

— Стена не слишком толстая, можно попытаться пробить в ней отверстие.

— Но кто и зачем, отгородил царство Вармина? — с дрожью спросил гном. — Это подтверждает…

— Ладно, — перебил Конан, — кладка, похоже, не очень прочная, попробуем расшатать…

Он ухватился за нижний камень, выступавший более других, и принялся его раскачивать. Скоро камень зашатался, как пьяный наемник. А через некоторое время Конан выворотил его из стены. Хепат присел на корточки, наблюдая, как трудится его друг, и, жалея, что ничем не может помочь.

— Пожалуй, можно пролезть, — прохрипел Конан, выворачивая очередную глыбу.

Не теряя времени, он лег на пол и неожиданно ловко полез в отверстие. Не успел Хепат оглянуться, как его друг исчез. С кряхтением опустившись на четвереньки, гном просунул голову в пролом. Мгновение он был неподвижен, а затем вскочил и с ужасным криком пустился бежать. Прочь! Прочь от этого ужаса! Там смерть, там разложение, там самые отвратительные монстры бродят по некогда прекрасному царству, стеная от голода и теряя гниющую плоть. Они мертвы! Они все мертвы и стремятся поедать живых. Их терзает вечный голод! Вот зачем тут была стена — чтобы они не вырвались наружу. А теперь?! Что будет теперь, когда Конан проделал проход? Они полезут, распространяя вонь и роняя червей!

Они придут за нами! Конан обезумел, решив разрушить стену! И где он теперь? Что с ним стало? Его рвут на части когтистые трупы! Обгладывают ненасытные чудовища! Его… его…

И Хепат вдруг понял, что он бросил друга в беде. Куда он бежит?! Как посмел он поддаться страху?! Он должен защищать спину друга, а он бежит, как последний трус. Как тогда, когда он оставил погибать братьев!.. Да, они не стали бы отступать…..

Но он… Он должен был сражаться рядом и погибнуть с честью, как они! А он… струсил. Он тогда попросту *струсил!* Проход могли закрыть и без него. Для этого все было приготовлено, и тяжело раненный, уже не способный сражаться, гном ждал нужного момента. Его глаза!.. Какими глазами смотрел он на Хепата! Самый младшим из братьев струсил — потерял меч и щит! И отступил, что для гномов клана Вармина было невозможно, немыслимо, невероятно… Этот старый воин вскоре умер от ран, но, даже страдая от боли и жажды, он не заговорил с трусом, не попросил его принести воды… А когда Хепат, догадавшись, принес в шлеме родниковую воду, воин не обратил на нее внимания… И умер, как герой. Как и положено умирать гному…

А он, Хепат, с невыносимой болью, со слезами, брызнувшими на кольчугу, понял, что он — жалкий трус! И вот теперь — он опять убежал! Трус!; Не сбавляя темпа, Хепат повернулся и побежал обратно. Другу нужна помощь! Только бы успеть! Только бы успеть прикрыть его спину!

Когда запыхавшийся гном прибежал к стене, Конан сидел на камне. Меч его по-прежнему покоился в ножнах, но лицо блестело от пота.

— Страшновато там… — хрипло сказал киммериец. — Никого нет, а страх наваливается, будто скала. Того и гляди раздавит…

Гном, тяжело дыша, присел рядом.

— Конан, — с трудом выговорил он, — извини, что я…

— Ты молодец, что сумел вернуться, — Конан хлопнул его по плечу.

— Сколько раз обещал себе не садиться рядом, — проворчал Хепат, поднимаясь с земли. Он откатил подальше один из камней, сел и тяжко вздохнул.

— Значит, там никого нет?

— Я прошел шагов двести и никого не встретил, — пробормотал Конан, вытирая пот со лба, — но страху натерпелся…

— Странно… мне сейчас кажется, что какой-то мертвец, вроде нашего висельника-колдуна, стоит на той стороне и собирается…

Хепат вдруг вскочил и собрался бежать, но, заметив укоризненный взгляд друга, заставил себя вновь усесться на камень.

— Я боюсь… — прошептал он. — Я никогда не смогу, войти туда…

— Тогда я пойду один. Ты мне расскажешь, как пройти к сокровищам…

— Нет! Я один не останусь! Я убегу… Или страх убьет меня…

— Ну, ты можешь подождать меня в другом месте… Давай договоримся…

— Нет! Не бросай меня, Конан, — еле слышно сказал гном. — Не бросай… я уже заражен страхом… я буду бояться везде!

Конан поудобнее уселся на угловатом камне, окинул взором сырые своды тоннеля.

— Тогда только один выход… — в раздумье сказал он. — Только один.

— Какой?

— Тренировка.

* * *

Хепат вошел в облако. Туман. Откуда здесь туман? Что тут таится, укрывшись мокрым белым пологом? Как в тяжелом кошмарном сне, передвигал он непослушные, ватные ноги. Надо идти. Надо двигаться, несмотря на то, что холодеют руки и трудно дышать. Он попытался глубоко вздохнуть, но горло перехватил спазм. Тут смерть! Смерть от удушья. Схватившись за горло, Хепат упал на колени. Он широко открыл рот и с силой втянул холодный, насыщенный влагой воздух. Приходилось заставлять легкие работать. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Стало немного легче. Но послышались шаги. Кто-то приближался. Невидимый в тумане враг. Чудовище. Возможно один из тех, кто шагает, теряя гниющую плоть…

Гном с трудом выпрямился. Ничего не видно, но звук, кажется, идет оттуда… Он повернулся, приготовившись встретить страшного врага лицом к лицу. Опять шаги… позади… Его окружают! Хепат почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Руки дрожали. Донесся запах гнили. Миг спустя, его окутал ужасный смрад, будто он находился в склепе, куда недавно положили несколько покойников.

Мертвецы! Его окружают мертвецы! Скоро, скоро он увидит их выеденные червями глаза. Их открытые пасти дохнут зловонием… а потом… А потом, они вгрызутся в его плоть и будут рвать ее на части.

Несчастный гном почувствовал холодное прикосновение к спине. С криком он обернулся, но позади никого не было. Волосы на голове теперь шевелились непрестанно. Опять прикосновение холодных рук… Кто-то сзади пытается обхватить его шею. Какой смрад! Нечем дышать! Сейчас, сейчас в него вопьются желтые клыки мертвецов!..

Хепат вновь упал на колени. Тело отказывалось служить. Бессильно опустились руки. Из тумана медленно выплывало отвратительное лицо мертвеца. В глазницах шевелились черви. Темный провал открытого рта изрыгал такой смрад, что щипало глаза. Почти теряя сознание, гном увидел костяные руки, протянутые к его горлу.

О боги! Это конец. Ему, Хепату, последнему гному из клана Вармина, суждено быть растерзанным ожившими мертвецами! Что остается? Закрыть глаза и не видеть… А как поступил бы Конан? Тоже закрыл глаза? Также упал бы на колени?!

И гном ощутил, силу. Только перед неминуемой гибелью появляется у живых существ эта сила — последняя, отчаянная попытка жизни защитить себя. Отказывает парализованный ужасом разум — он больше не нужен: теперь всем управляет сила! Исчезает привычное чувство самосохранения — оно только помешает в последней, страшной битве за жизнь! И слабые становятся богатырями, трусливые — храбрецами, те, кто никогда не держал в руках оружия — искусными воинами.

Издав зычный боевой клич, гном вскочил, сжимая в руке кинжал. Бабочкой порхал он по тоннелю, нанося удары во всех направлениях. Он колол, рубил, пинал, прыгал и метался, как дикий зверь…

Постепенно странный туман рассеялся, а никаких полусгнивших мертвецов вокруг не оказалось. Тяжело дыша, Хепат остановился в недоумении. Он готов был поклясться, что сталь рубила кости, удары отбрасывали чьи-то тяжелые тела.

Никого нет? Никого и не было? Только страх? Он боролся не с мертвецами, он боролся с собственным страхом.

— Отлично, друг мой! — сказал Конан, похлопывая гнома по плечу, предусмотрительно

придерживая его другой рукой.

— Что это было? — прохрипел Хепат. — Мне казалось…

— Это был просто страх. Один только страх. Ты сумел победить. Еще несколько таких тренировок, и ты будешь готов идти дальше!

— А ты? — Гном поднял на друга затуманенный взор. — Тебе страшно?

— Конечно, страшно. Но мне легче — я могу в любой момент вызвать у себя то состояние, которое пришло к тебе в конце. У нас в Киммерии многие войны умеют в нужные моменты, что называется, впадать в безумие.

— Берсерки? — тихо спросил гном. — Я слышал о таких… Значит, это и есть?.. Я теперь… берсерк?

— Ну, почти, — Конан улыбнулся. — Теперь отдохнем и немного закусим. Можем сделать это с той стороны стены.

* * *

Несколько колоколов спустя друзья, изнемогая от страха, продвигались по слабо освещенному тоннелю. Растений пуго тут было куда меньше. Кроме того, Хепат заметил, что они вянут и осыпаются.

Всепоглощающий страх, вероятно, действовал и на них.

С тех пор как друзья вступили в заброшенное, давно опустевшее царство Вармина, леденящий страх не отпускал ни на миг. Гному приходилось несколько раз вызывать у себя состояние берсерка. После этого страх на время рассеивался, отступал. Конан только утирал пот со лба — это был единственный признак того, что ему тоже страшно.

— Сокровищница там, — Хепат махнул вялой рукой на стену. — Скоро будет разветвление. Эти места я хорошо помню.

Дрожа всем телом, он остановился. Взгляд его наполнился безумием.

— Там, за углом, там стоит…

— Да, я чувствую… — прохрипел Конан, — но, скорее всего, там никого нет… Однако приготовиться необходимо.

Твердой рукой он обнажил меч и почувствовал, как отступил, съежился страх. Несколько раз глубоко вздохнув, он неслышно пробежал расстояние, до того места, где тоннель пересекался с другим, более широким, и исчез за углом. Хепат знал, что Конан рядом, что он сражается с монстром… или со страхом, но паника от одиночества захлестнула, как мутная волна.

Один… Гном попытался сжать кулаки, но пальцы не слушались.

Один, ты теперь один, — твердил кто-то у него в голове. Конан исчез, ты его больше не увидишь. Ты — один. А одному тут не выжить. Тебя скоро обступят полусгнившие мертвецы… Они уже идут… Они близко…

Хепат застонал. Где же друг? Почему его нет так долго? И почему так тихо?

Конан, переводя дыхание, показался из-за угла. Вложил меч в ножны. Еще раз вздохнул.

— Там никого нет…

Хепат из последних сил ухватился за огромную руку друга. Она — эта мощная рука, покрытая буграми мышц и шрамами, — его единственная опора. Только бы Конан не бросил его здесь, в царстве страха.

— Я думаю, мы близки к цели… — проговорил Конан. — Похоже, что тот, кто насылает ужас, где-то неподалеку.

Хепат и сам: чувствовал, что терзающий их души страх увеличился неимоверно. Теперь даже Конану — закаленному воину — не хватало дыхания. Даже у него иногда — Хепат заметил это с удивлением — дрожали руки. Но шаг киммерийца по-прежнему оставался твердым, а взгляд холодным, как ледник, в котором, отражается синее небо.

Вцепившись в руку друга, как испуганный ребенок, Хепат с трудом передвигал отяжелевшие ноги. Сапоги, как каменные… Одежда — тяжкий груз на плечах…

Несколько раз они пересекали естественного происхождения пещеры — большие и маленькие, сверкающие красотой, и темные, будто огромные, пустые бочки. Но не было сил даже поднять взор. Шаркая ногами, друзья из последних сил продвигались вперед.

— Теперь будет небольшая пещера… тронный зал, — хрипел гном, — там, за троном… вход в потайной… тоннель… и там… сокровища.

Тяжело дыша, Конан заставил себя оглядеться. Они стояли у входа в небольшую пещеру, явно искусственного происхождения. Стараниями искусных камнетесов, из стен выступали темные лики чудовищ. Свод ощерился зубами огромного монстра, с языка которого в подставленную каменную чашу капала вода. В общем, если бы Конан мог сейчас говорить, он бы сказал, что тронный зал производит мрачноватое впечатление.

У противоположной стены возвышался массивный каменный трон. Стоящие рядом идолы угрюмо смотрели на путников рубиновыми глазами.

Страх накрывал лавиной. Стоило друзьям сделать несколько шагов, как на них обрушилась такая волна непереносимого, сводящего с ума ужаса, что Хепат, вскрикнув, потерял сознание, а Конан со стоном обхватил руками голову. В глазах потемнело. На губах чувствовался привкус крови. В висках пульсировала боль.

Стиснув зубы, Конан заставил себя взглянуть на трон. Это должно быть там… Источник сводящего с ума ужаса… Некто, распространяющий мутные волны непереносимого страха…

Тяжело дыша, чувствуя, как по спине ручьями струится пот, Конан, превозмогая себя, двинулся вперед. Ужас ударил с утроенной силой. Гигант, шатаясь, с трудом удерживался на ногах.

Нужно всего лишь дойти до трона и взмахнуть мечом… Вряд ли это существо сможет защищаться… Его оружие — страх. И если преодолеть страх, то…

Сосредоточившись, Конан заставил себя войти в нужное состояние. Варвара-берсерка не испугать! Меч молнией сверкнул в его руке.

Издавая нечеловеческое рычание, киммериец, с поднятым мечом, шаг за шагом приближался к трону. Дойти и убить! Убить это существо, терзающее его душу! Побеждая ужас состоянием берсерка, Конан достиг, наконец, трона.

Мерзкая, покрытая слизью многоножка — раздутая, как морской еж, суча лапками, лежала на сиденье древнего трона. Ее злобные красные глазки непрерывно пульсировали, источая такой ужас, что Конан на миг лишился сознания. Но могучая воля воина-берсерка вырвала его из темноты, и, собрав последние силы, он опустил меч на мерзкое существо.

Брызнула темная жидкость. Две половинки твари извиваясь, затихали на осквернённом троне. Глаза, мгновение назад излучавшие убийственную ненависть, потускнели.

И страх отпустил. Исчез, растаял, как туман на ветру. Прекратилось давление на мозг. Настал миг, а может, вечность, блаженного покоя. Конан глубоко вздохнул и с облегчением рассмеялся.

— Мы победили! — крикнул он зашевелившемуся другу. — Мы победили эту тварь! Мы победили страх!

Он высоко поднял меч и вновь засмеялся.

— Кто это был? — Хепат с трудом поднялся.

Страх отпускал его медленно, неохотно. Но гном чувствовал, что исчезло главное — исчез источник ужаса, и теперь все будет хорошо. — Кто *же* это? Откуда он взялся?

— Какая-то небольшая тварь… — Конан указал мечом на останки. — Кто знает, откуда она выползла… раньше я ни о чем подобном не слышал.

— Я слышал… — прошептал гном. — Кажется, я слышал… В старой легенде говорилось о чистом ужасе, замурованном в недрах горы. Легенда гласила, что победить его невозможно… что никто никогда его не видел… а те, кто подходил к его логову слишком близко, — сходили с ума или умирали. А другая легенда рассказывала, что один воин сразился с этим ужасом, но проиграл… И там эта тварь описывалась как ужасный великан с множеством рук и горящим, как уголья, взглядом.

— А великан оказался козявкой, — усмехнулся Конан.

— Да оно и понятно, — продолжил гном, — великан побеждает силой, а вот такая мерзость могла действовать только страхом.

— Именно в страхе — ее сила. Но не пора ли нам заняться сокровищами? — Конан с интересом огляделся. — Я не вижу никакого входа в сокровищницу.

— Вход — за троном. Нужно отодвинуть его в сторону…

Друзья переглянулись.

— Однако это будет не простая задача, — Хепат почесал затылок.

Конан прикинул вес трона. Да, сдвинуть его с места — все равно, что поднять слона!

— Как же Вармин входил в сокровищницу?

— Приходил отряд самых сильных гномов с веревками. Они в течение дня возились с троном, и лишь к вечеру проход оказывался свободен.

— Ну, что ж, попробуем вдвоем и без веревок? — Конан серьезно посмотрел на своего маленького спутника.

Друзья уперлись ногами в землю, а руками в трон. Закряхтел Хепат, вздулись мышцы у Конана, но резная каменная глыба даже не пошевелилась. Через некоторое время стало ясно, что сдвинуть трон не удастся. Конан крякнул с досады. Хепат виновато опустил голову. Он должен был подумать о том, как добраться до сокровищницы! Но что тут можно было придумать? Пригласить заранее человек десять компаньонов?..

— А за что они цепляли веревки? — Конан смотрел на трон.

Действительно, резная глыба не имела выступов и стояла вплотную к стене. Чтобы обвязать трон, его следовало хотя бы слегка отодвинуть от стены. Конан брезгливо сбросил увядшие останки многоножки и, смахнув пыль, стал ощупывать украшенную резьбой спинку.

— Да они же — одно целое! — воскликнул он, сердито глядя на Хепата. — Трон не просто стоит вплотную к стене — он высечен из скалы, как все эти чудовища! Как эта морда наверху!

— Неужели меня обманули?! — забормотал гном. — Мне говорили, что сокровища за троном…

— Что?! — заревел Конан. — Так ты сам их даже не видел? Тебе говорили?!

— Я видел их, — гордо выпрямившись, произнес Хепат, — но в старом хранилище. Один из моих братьев был стражем. Он водил меня и показывал… Я видел сундуки,

наполненные камнями, золотом… Я запускал в них руки… — В доказательство гном показал Конану мозолистые ладони. — Потом выдолбили новую пещеру, в нее перенесли сокровища и спрятали за троном. Так мне сказал брат!

Гном расправил поникшие плечи:

— Хепат, последний из клана Вармина, никогда не опустится до лжи!

— Ладно, — смягчаясь, сказал Конан, — во всяком случае, я думаю, что отряд с веревками приходил только для того, чтобы морочить голову. Тут должен быть какой-то секрет. Будем искать…

* * *

Секрет оказался простым, но чтобы отыскать его друзьям потребовалось много времени. В стене, недалеко от трона, нашелся «волшебный» камень. Надавив на него, Конан привел в движение систему рычагов и противовесов. Казалось, в самых недрах горы что-то заворчало, заскрежетало, задвигалось.

Медленно и нехотя часть стены вместе с троном и идолами с рубиновыми глазами выдвинулась вперед. Открылся небольшой темный лаз.

Пуго в проходе не росли, и Хепат запалил факел, который упорно носил в заплечной сумке.

Низкий коридор привел друзей в помещение, где вдоль стен стояли массивные, окованные железом сундуки.

— Ну, вот, — у гнома запершило в горле, и он гулко откашлялся, — вот и сокровища!

— А почему у всех сундуков сбиты замки? — хмуро поинтересовался Конан.

Откинув крышку ближайшего сундука, он извлек из щели единственный закатившийся туда камешек. Остальные сундуки также были пусты. По углам и щелям удалось набрать горсти две камней. Конан молчал. Хепат непрерывно костерил неизвестных грабителей, ругаясь и на языке гномов, и на языке людей. Несколько особенно длинных проклятий он произнес на древнем языке «живущих рядом».

— Постой, — сказал Конан, — ты, помнится, хотел добыть еще какую-то вещь… Когда мы отправились за книгой…

— Это волшебный посох, — грустно сказал Хепат, — но без книги он бесполезен… да и искать его долго… Надоели мне подземелья! Давно я солнца не видел…

Конан едва не лишился дара речи.

— Чтобы гном говорил, что ему надоели подземелья?!

— Я, наверное, плохой гном… И слишком долго жил среди людей. Я полюбил солнце. Я так тосковал по нему последнее время…

— Зато здесь, под землей, ты научился побеждать страх! — Конан занес было руку, чтобы похлопать друга по плечу, но вовремя остановился.

Долгое время друзья молча сидели на пустых сундуках. Пора было возвращаться.

— Ну, что ж, — сказал, наконец, Конан, разглядывая найденные самоцветы, — чтобы как следует погулять и повеселиться, нам хватит. А потом поедем откапывать горшок с алмазами!